
Повесть номера

Олег ОЛЕНЦЕВИЧ

Олег Петрович Оленцевич родился в 1945 году в Ленинграде. В 1976 закончил ЛИИЖТ, в 1983 Санитарно-гигиенический институт. До 2005 года работал врачом-мануологом. Писать начал в 2007 году. Автор многочисленных романов и повестей.

*Выражаю искреннюю признательность
Борису и Раисе Лейзеровичам, оказавшим любезную
помощь в написании этой повести.*

Одинокий русский у «Стены Плача»

Путевая повесть длиной в восемь дней

Краткое предисловие

Мысль о предисловии возникла где-то ещё в начале повествования. Это было не желание заранее извиниться за сюжеты, способные вызвать некоторое неприятие у отдельных людей, а просьба внимательно и непредвзято прочесть написанное. Уверяю Вас, никакого русофильства и юдофобства тут нет и не будет. Людям «зрелого» возраста известна книга Бориса Житкова «Что я видел», где описываются впечатления, полученные глазами мальчика, путешествующего по стране. Но эти слова не дают Вам права считать, что я впал в детство и пишу всякую бредятину. Так что всё нижеследующее написано в здравом уме и ясной памяти, но

главное, правдиво и искренне. Как рука на Библии, когда мы обязаны говорить правду, одну только правду и ничего, кроме правды.

С чего началось путешествие

— Да-а! Хорошо тебе! — Арон Мельник выдохнул из себя эту фразу вместе с кольцом сигаретного дыма.

— И отчего, собственно говоря, мне так хорошо? — не понял я.

— Свобода, мин херц, это сладкое слово Свобода! Пишешь сносные книжки на необходимую тематику и в ус не дуешь! Красота!

— Ну, ты даёшь! Тебя-то — члена Союза писателей и журналистов — кто в этот ус дуть заставляет! И что это ещё за необходимая тематика? Семитская, что ли? Да тебе на эту тему сам Бог велел писать! Что мешаает-то?

— А фамилия Мельник? — усмехнулся приятель.

— Какой ты Мельник! Ты — Арон здешний! — засмеялся я в ответ.

— Вот, вот! В этом ты весь! — сморщил нос Арон.

— В чём весь?

— Да в своём антисемитизме! Тьфу на тебя! — надулся Арон. — Какой же ты гадкий! И главные редакторы твоих журналов тоже антисемиты!

— Станный народ! Русские зовут меня сионистом, евреи — антисемитом! (Здесь я прошу прощения за повтор этой фразы из «Исповеди». Ну, нравится она мне в разговоре и всё! Тем более, что так и было.) Чем тебе, богом избранному, мои книги не по душе? Как пишу — не нравится, аль ошибок много? Корректора спроси! Вразуми ты меня православно-го, Христа ради!

— Да не дуйся ты! Нравятся мне твои книжки, нравятся! И стиль приличный, читаются легко и интересно. Обидно, понимаешь, что я так писать не могу!

— Не можешь или не сумеешь? — уколол я.

— Почему ж это не сумею! Обижает, Бабель хренов!

— Ух, ты! Даже с Бабелем сравнил — не плюнул, а елеем мазнул! Так! Продолжаем разговор — от чего ж не можешь?

— Не знаю, как объяснить попроще, — Арон поморщился. — В общем, отрывки вашего коммунистического прошлого мешают.

— Нашего, нашего коммунистического прошлого. Наших: Карла Маркса, Ленина, Троцкого, Зиновьева и Каменева. Хотя, как тебе известно, у людей без прошлого нет будущего.

— Я ж говорил, что ты антисемит! Ленина приплёл! — всплеснул руками Арон. — Хотя...

Приятель ухмыльнулся.

— О, чуешь, где собака порылась! — я показал Арону язык. — Ты ещё «дело врачей» вспомни, до кучи!

— Софист!

— Отнюдь. Ты знаешь, кто такой Теодор Герцель?

— Конечно! Это — голова! Его знает каждый еврей!

— Это сейчас. И то не каждый. Так вот эта голова, между прочим, основатель сионизма, однажды сказала: «Если бы антисемитизма не было, то мы бы его создали!». Компромэ¹?

— Фуу! Ну у тебя и домыслы! — фыркнул Арон. — Хотя!..

— Это уже второе «хотя», я же считаю! Значит, ты сомневаешься, а в глубине души в чём-то даже со мной согласен. Так?

— Допустим! Вот уж не думал, что ты будешь придирааться к каждому слову! — Арон вздохнул и опустил глаза. — А Герцель действительно так сказал? Я имею в виду антисемитизм?

— Так и сказал. Нация выживает, крепчает и становится нацией только в борьбе против общего врага. Я доходчиво объяснил?

— Вполне. Умнейший был мужик.

— А среди евреев глупых нет, есть дураки.

— Это ещё кто?

— Да ты!

— Я!!! — Арон вытаращил глаза.

— А ты как думал! Если ты — член Союза писателей и журналистов — не ведаешь прописных истин, тебя касающихся!

— А откуда ты, не-член, всё это знаешь? И зачем?

— А чтоб другим членам неповадно было! Понял?

— Понял, русит! Только непонятно, почему ты, русский, так доброжелательно пишешь о евреях! И ведь тебя не обвинишь, что ты куплен!

— Арончик, для меня важны люди, а не их национальности! Вот ты споришь, пытаешься что-то доказать. А мы ж с тобой одной человеческой крови, и делить нам нечего. Тем более что мы — друзья.

— Конечно, друзья! — Арон хлопнул меня по плечу. — Только дам один совет, как другу. Писать о евреях, не съездив на их историческую родину — моветон.

— А «Евангелия Привоза»?

— «Евангелия» — это Одесса! Не то! Понимаешь, не то! Тебе нужно подышать воздухом Святых мест, а не запахом страниц словарей Хаима Бальцана, только пахнущих ивритом!

¹ Здесь (*искаж. фр.*) должно означать: «Понятно?» — *Ред.*

— И шо, после этого я буду петь, как Утёсов? «Есть город на свете Иерусалим, которым нельзя надыхаться! У саа-моо-го мо-о-ря!»

— Ну, допустим, у моря скорей Тель-Авив, но мысль, в принципе, правильная. Израиль — сказочная страна!

— Как волшебная страна Оз? И кем я там буду? Железным Дровосеком или пёсником Тоттошкой? Свой Гудвин у них, думаю, уже есть!

— Не ёрничай, а съезди! Вот потом и поговорим.

Я пожал плечами.

Пожать-то плечами пожал, только через неделю «мальчик», так я зову своего сорокалетнего сына, купил мне туристическую путёвку в Израиль на 8 дней.

Так-то!

И подготовка началась.

Знаете, почему нельзя изнасиловать женщину на центральной площади Еревана? Нет? Слишком много будет советчиков. (Анекдот из «армянского радио».)

О, то же самое было и со мной!

Советы давали все — кто ездил в Израиль, кто нет, но мнение было одно — это страна Сказка.

Моя школьная подруга-грузинка, я звал её грузинской княжной или просто княжной, восторженно говорила:

— Я так рада, что ты посмотришь на эту страну, на её изумительный климат, на её людей, увидишь Анну Александровну. Привет ей от нас передай! (Анна Александровна — наша учительница русского и литературы, уехавшая в Израиль в 1988 году.) Общаться будет там легко — половина Израиля говорит по-русски.

Её бы слова тогда да Богу в уши. Это только потом я понял, что попал в другую половину.

— И ещё. Будь осторожен, не гуляй ночью — могут напасть арабы!

Но здесь я её успокоил, сказав, что знаю один приёмчик каратэ и сразу по приезде на землю обетованную обязательно куплю у спекулянтов на рынке ночной пулемёт. И вообще из-за моего возраста и огромного жизненного опыта, советов попросил больше никаких не давать.

Вечером перед отлётом собрал в дорогу сумку: пакет с рубашками, несколько галстуков-бабочек, 7 своих книг с отзывами, таблетки от желудочных эмоций и ещё кое-что по мелочи. Ах да, чуть не забыл! Конечно же, и бутылку коньяка для снятия стрессов. Так, кажется — всё взял.

Самолёт вылетал в 9.00, я заказал такси на 6 часов.

Вот я и в аэропорту.

Уже на таможенном контроле, при словах «Мойше, куда ты пишло?», я понял куда лечу. Слова относились к симпатичной лохматой собачке с бантиком на голове.

— Мойше, — собачка подошла ко мне и завилыла хвостом. — И шо ты идёшь к незнакомому дяде, кода папа зовёт?

— Любите животных? — прозвучал хриплый драматический баритон, исходящий из высокого тучного мужчины с седой щетиной на лице.

— А шо, так бросається в глаза?

— Наш человек! — одобрительно крякнул ошетиненный. — На родину летим?

— Это как посмотреть, — я поджал губы, чтобы не обмануть и не ответить. — А шо у пёсика бантик на темечке?

Очевидно, моё «как посмотреть» мужчину устроило, поэтому последовал ответ-предложение:

— Он у меня девочка и за это надо выпить!

— Перед полётом не пью! — улыбнулся я и добавил. — На свои!

— А я шо-то говорил за деньги? — пробаритонил мой собеседник, пристёгивая поводок к ошейнику собачки. — Мы ж пока в России!

— А успеем?

— Не успеем — подождём следующего.

— Самолёта? — я открыл от удивления рот.

— Автобуса, амиго, автобуса! — загоготал хозяин собачки.

Мы успели, но после посадки в Тель-Авиве больше не виделись. Далее...

Дело о потерянном паспорте

Тель-Авив. Аэропорт им. Бен-Гуриона. Мой первый и самый жуткий кошмар.

Получив багаж, я пошёл, как было указано в ваучере.

— Пока всё идёт хорошо, — думал я, как человек, прыгнувший с двадцатого этажа и пролетающий между 9 и 10. Подойдя к стойке ресепшн, я протянул служащему папочку со своими документами. Клерк внимательно просмотрел бумаги и поднял на меня глаза.

— What do you want?

Школьные знания говорили, что он хочет знать, чего мне нужно.

— Руссо туристо, облик морале! — гордо заявил я.

Клерк грустно взглянул на мой галстук-бабочку и терпеливо спросил:

— English or Spain?

— Да не знаю я твоих инлишей и спейнов! Русский — я, понимаешь! У вас же пол-Израиля по-русски говорит! Вот зараза!

В глазах у клерка мелькнуло злорадство, но он вежливо указал пальцем вниз:

— Under.

— Понял я, понял, что вниз! — и, схватив сумки, начал спускаться на нижний этаж. Там я показал ещё раз бумаги, и меня послали к стойке в конце зала. Стройная девушка взглянула в ваучер.

— O'key! — сказала она и указала на кресла напротив. — Hotel «Kikar zion». Wait!

Теперь я понял всё. Нужно ждать, когда за мной приедут из отеля «Кикар цион». Но когда я брёл к указанным креслам, то с ужасом осознал, что синенькой папочки с бумагами, а главное, с загранпаспортом, в моих руках нет! На бюро у девушки папки не было — значит, оставил наверху. Бросив сумки, помчался на второй этаж. Там возле знакомого уже клерка я с ошалелым видом и дурными глазами размахивал руками, повторяя, как попугай, только одну фразу:

— Where is my foreign passport? (Где мой заграничный паспорт?)

— I don't understand, I don't understand, — долдонил клерк.

— Не понимаешь? Да всё ты прекрасно понимаешь! Паспорт я свой здесь где-то оставил, вот что! А ты мне только глазки строишь! Гоблин хренов!

— О-о! Гоблин! — заулыбался клерк.

— Матерь Божья, слово «гоблин» ему понятно, а паспорт — нет! Господи, скажи на милость, есть ли в аэропорте этой сказочной страны хоть один человек, говорящий по-русски! Ведь туристов из России здесь больше, чем персонала! — взмолился я и направился назад к своим вещам.

Там, собрав в кучу все знания своего английского, я постарался объяснить девушке «o'key», что мне нужен человек, понимающий русский язык. Девушка пожала плечами и ушла. Время ожидания показалось мне нескончаемым. Может, она направилась в российское посольство? На самом деле прошла какая-то пара минут, прежде чем появилась израильская Лена.

— Какие проблемы? — с акцентом спросила она.

— Проблема одна, но большая — я потерял паспорт.

— Где?

— Здесь, в аэропорту.

— Где вы были в последний раз? — поинтересовалась моя переводчица.

— Я был везде, где был. Чёрт, каламбур не к месту! Да, говорю же, был везде, хотя и место-то всего одно, наверху.

— Пойдём вместе, покажете. O'кеу?

Конечно же, «окей!» Милая девочка, тебе приходится возиться с туристом-растяпой на языке, который здесь презирают, которого боятся, стараются поскорее забыть (это я быстро понял, но чуть позднее), как из нас в России изгоняют память о Советской власти. Хм, стараются изгнать прошлое и при этом крестятся (это в России). Акцент у девочки, наверное, потому, что семьи, приехавшие из России, вернее из СССР, стараются говорить дома в основном на иврите, а родной язык используют только как функцию перевода в турфирмах и для работы в ностальгических заведениях типа Pub «Putin». Отсюда и акцент, практики-то ведь не ахти!

Мы поднялись на этаж выше и подошли к бюро, где я был в первый и последний раз. Клерка за стойкой не было.

Лена повернулась ко мне.

— Здесь? — спросила она, я кивнул. — Вы спускайтесь к своим вещам, а я разберусь. Окей?

Я снова кивнул и отправился назад. Через несколько минут появилась Лена, рядом с нею, опасноливо поглядывая в мою сторону, семеня знакомый «гоблин». В руках он держал мою синюю папку, из которой торчал вишнёвый уголок загранпаспорта. Радость моя была такой, будто я в одиночку выиграл Шестидневную войну. Я ринулся к своим документам, при этом «гоблин» замер передо мной, как кролик перед удавом. Во мне боролись два чувства: убить гада на месте или обнять за возвращённый паспорт. Победил второй вариант — и «гоблин» тревожно затрепетал в моих объятьях.

— Ну, господин Гоблин, большое тебе наше русское thank you за паспорт! В гости к нам приезжай, раб божий! Тислах, лэhit! (Прости, прощай!) — и разомкнул руки.

Клерк вытаращил глаза и безмолвно исчез.

— А вы говорили, что не знаете иврита! — укоризненно покачала головой Лена.

— Только три слова, ещё «шалом», — усмехнулся я.

На этом дело о потерянном паспорте было закрыто.

Израиль, Тель-Авив, аэропорт Бен Гурион, T=+8°C. Температура — почти как дома. Прелестно! Еду в Ершалаим, то бишь в сказку.

Что можно сказать о дорогах? Дороги хорошие, водители вежливы друг к другу — ближневосточная цивилизация.

До Ершалаима добирались минут сорок. Почему я называю Иерусалим Ершалаимом? Так называют его израильтяне. Так буду называть его и я, потому что и мне так нравится.

Природа? Я бы назвал её странными субтропиками, хотя слово «странные», думаю, не справедливо. Представьте себе территорию, состоящую из песчаных и известняковых гор и песка — с ума можно спрыгнуть! Плохоньким природоведом оказался Моисей, если, сорок лет ведя за собой свой народ, выбрал это местечко под солнцем. Наверное, землёй обетованной (а не песком) Израиль называют потому, что только с помощью рук обитателей этой страны пустыня зазеленела, местами превратившись в прекрасные цветущие сады. Мне казалось, а может — так и есть, что каждая травинка, каждый кустик или дерево бережно посажены и взлелеяны руками людей.

Вот и Ершалаим. Прекрасным его не назовёшь, но город красивый. Действительно красивый, без дураков. А так — мегаполис на горах с пальмами и апельсиновыми деревьями. Да, ещё хотелось отметить, что я просто влюбился в цветущие сиреневые акации с их нежной красотой и добротой.

Однако вернёмся к прозе, т.е. к Ершалаиму. Я уже говорил, что это город на горах, и поэтому езда по его улицам напоминает прогулку на самолёте — периодически закладывает уши от перепада высот.

Ах, гостиница Кикар, ты гостиница...

Покрутившись по улицам, наш автобус остановился перед высотным зданием, в котором с одной стороны находился какой-то банк, а с другой — отель «Kikar Zion». Здесь вышли три человека, в их числе и я. Бородатый охранник при входе сообщил:

— Кнопка «L» поднимет вас куда надо, кнопка «E» опустит к выходу из отеля, т.е. ко мне.

Фуу, — подумал я. — Красота! Даже охранники здесь говорят по-русски.

И это была моя очередная ошибка.

За ресепшн на этаже «L» нас встретил вежливый улыбчивый пятидесятилетний служащий отеля. Он молча положил перед нами бланки регистрации и поднял глаза.

— И как нам их заполнить? — спросила одна из моих спутниц.

Служитель ткнул пальцем в первую строку бланка.

— Family, — палец опустился ниже. — Name, country.

Я вздохнул — опять мимо. Хорошо, что хоть что-то понимает.

Мой номер 501. Номер большой, кровать двуспальная, туалет. Это плюсы. Солнечная сторона, нет холодильника, сломан душ — это минусы. Но пока +8°C, на минусы внимания можно не обращать. Правда, на следующий день было уже +16°.

Да что это я всё о погоде, совсем забыл о людях и еде.

Люди, они же постояльцы, на 90 %, а может и больше, были, несмотря на национальность, русскоговорящими — паломниками, казаками и просто туристами. В общем, около ста человек. А персонал, включая кухню, не более десяти. Прошу прощения, ещё пара охранников родом из СНГ, которые работали через день. Вот и вся живность, едрёньть, в этой гостинице нерусскоговорящей. Комфорт! Говорю я им с помощью словаря, что у меня bath-room, в смысле ванная, не работает — мне понимающе кивают, подмигивают как родному, дескать, всё будет о'кей. Я вздыхаю и отхожу, потому что знаю — ничего не будет.

Это о людях, тепер о еде. В путёвке было сказано, что только завтрак разрешается съесть самому, что в обед можно наблюдать, как едят другие, ну, а уж ужином пусть подавятся враги. На третий день я стал несколько завидовать этим врагам, т.е. тому, чем они давятся. Объясню отличие израильского стола от шведского. Израильский стол полностью вегетарианский — мяса нет ни в каком виде, зато обилие овощей, солёной селедки со скумбрией, творога с брынзой, правда, мюслей с молоком до фига. Чай и кофе пил один раз, потом только своё, из Питера. Знаете, чем отличается их сахарный песок от обычного — он белого цвета и растворяется в воде. Но не будем о грустном! Это ведь ничего, что такой стол, зато какой прекрасный после него стул!

Шутки шутками, но организм начал требовать витаминов, которых он недополучил. Я задумался. И — эврика! Базар! Тем более — восточный!

Но это будет завтра, в день, когда нет экскурсии, а пока перекус «русского в бабочке»: стопка коньяка и варёное яйцо с солью.

Стульев в номере не было, поэтому сидеть приходилось на кровати, но нет худа без добра — где поел, там и на боковую. Закрыв глаза и задремал. И когда очнулся, показалось, что наступила ночь. Посмотрел на часы — 8 вечера! В Израиле рано и быстро темнеет. Открыл окно и выглянул — ярко освещённая улица, масса гуляющих и музыка, музыка со всех сторон. Моя реакция — гулять!

Вечер был теплее, чем день. Я вышел на местный Бродвей и огляделся.

Бродвеем считалась улочка, поднимающаяся в гору от улицы Яффе, по которой ходил только трамвай, до проспекта-автотрассы. Названия проспекта я так и не узнал — шильдики на домах были только на иврите. Посреди улочки располагались несколько уютных кафе, окружённых вазами с цветами. Легкие тенты защищали посетителей от солнца днём и редких дождей. Свободных мест за столиками не было, да я бы и не стал садиться, не зная языка и не поменяв валюты. Но самое главное — не зная цен! Поэтому, поднявшись наверх, решил спуститься вниз, фотографируя всё подряд. Остановился у пожилого грека, сидящего на каменной скамье и играющего на бузуке. Спросите, откуда знаю, что грек и бузука? Просто знаю, но не скажу! Грек был в пиджаке на голое тело и в вязаной шапке. Я хотел его сфотографировать, но он отвернулся, вернее, опустил голову — очевидно, не хотел, чтобы я его снимал. Помимо иврита, вокруг слышалась английская и итальянская речь — наверно, туристы. Туда-сюда сновали стайки шумной молодёжи 15–18 лет. Временами мне казалось, что они никого не замечают перед собой, поскольку взрослые уступали им дорогу. И я решил произвести эксперимент: засунул руки в карманы и замер, как на Волге утёс, на пути очередной агрессивной группки. Когда расстояние между нами было уже меньше метра, группка неожиданно распалась и, смеясь, обтекла меня. Смеясь, без какой-либо агрессии, оставив меня в растерянности. Уже на другой день я испытал чувство приятного удивления от другой молодёжи: юношей и девушек с автоматами, одетыми в камуфляжную форму. Они, даже не зная моего языка, были вежливы, предупредительны и доброжелательны.

Кстати о предупреждениях княжны, касающихся опасности израильской ночи. Это напраслина! Ночь Ершалаима с её угольно-чёрным небом нежна! Таинственна, удивительна и прекрасна!

Я посмотрел на часы. Мать Божья — без четверти двенадцать! Как быстро пролетело время! Скорее назад в гостиницу, а то закроют, и придётся спать на скамейке в этой сказочной ночи! Впустили! Я пришёл в номер, лёг в постель и сразу уснул.

И приснился мне, братцы, жуткий сон о потерянном паспорте.

Тиха израильская ночь. Наверно, звёзды где-то блещут, а моё сердце, словно в клещи, жажало так — дышать невмочь.

Во сне ночь была совсем другая: пугающая и тревожная. Ещё этот Аэропорт. На здании яркими крупными буквами (непонятно, почему — кириллицей) написано: международный аэропорт им. Бен Бенцианова (был в 70-х в России популярный конферансье с такой фамилией). Ря-

дом с главным входом небольшая стеклянная дверца с огненной надписью: «Для туристов, потерявших свой заграничный паспорт». Робко зашёл в эту дверь. Прямо перед глазами освещённый плакат:

Санкции

Ниже:

К туристам из СНГ, и тем более из России, потерявшим свой заграничный паспорт, могут быть применены следующие санкции:

1. Полная изоляция (с заключением под стражу) без связи с внешним миром в течение месяца, как иностранного гражданина, нелегально нарушившего границы государства Израиль.

2. Обряд брит-мила (обрезание) с последующей высылкой в Эфиопию.

3. Благотворительная месячная каторга в медных рудниках Михрот Тимни.

Примечание: санкции могут быть отменены, если в течение первой ночи пребывания на Земле Обетованной нарушитель паспортного режима САМ найдёт свой паспорт. И если Вы-таки согласны с тем, шо нашкрябано в примечании, то пожамкайте красную пипочку справа от настоящей цыдули.

Пожамкать красную пипочку, указанную в примечании, было не проблемой, и стена с плакатом разверзлась предо мною, и вот я в полутёмном и пустом зале аэропорта.

— Явился-таки! — прозвучал голос неизвестно откуда. — Ну-ну!

Я сразу узнал голос Гоблина, только теперь он говорил без акцента. Хм, как это без акцента? — Гоблин по-русски-то вообще не говорил! Хотя, что с него взять — Гоблин и в Африке гоблин.

— Ищи!

— Искать-то что? — закрутил я головой в поисках голоса.

— Что искать? — Гоблин саркастически усмехнулся. — Ксиву свою ищи, шлимазл!

Зажглось ещё несколько люминесцентных ламп, и я понял, что зал-таки не совсем пустой. В креслах сидели бородастые ортодоксы в чёрных шляпах и почему-то с дипломатами на коленях. Лица у бородачей были сурово насуплены.

— О! — вырвалось у меня. — А это ещё кто?

— Как кто? Третьеиские судьи! Неужели не понятно?

— Третьеиский судья — он один! А тут!..

— Израиль не Россия! Это у вас третьеиского судью «ищи свищи», а у нас их просто завались, как гуталина на гуталинной фабрике!

— И всё-таки, почему так много и зачем?

— Для порядку, понимаешь ли! Чтоб потом разговоров не было! Ещё вопросы есть? Вопросов нет! Ищи ксиву, сказал, свою, бедолага! Время на поиски — один час!

— А где искать-то?

— Где хочешь! Это твоя проблема, арэл (необрезанный, не-еврей)! А я тебе, можно сказать, помогать буду! — усмехнулся Гоблин. — Но помни, у тебя всего один час! Время пошло.

Свет померк, пол стал чёрным и прозрачным, уходящим куда-то далеко вниз, словно бездонное ночное небо под ногами.

И тишина.

Удивительная Тишина. Внимательная — и в то же время безразличная. Тишина, создающая звук шагов, похожий на перелистывание страниц, считающая эти шаги с бездушностью хронометриста, но при этом следящая за каждым твоим движением, чтобы упредить, не допустить нарушения правил, известных только ей Самой.

Правила. Откуда мне знать, что это за правила.

За спиной кто-то кашлянул. Я обернулся и открыл рот — от дверей входа тянулась цепочка моих шагов, то есть, следов. Следы светились!

— Каково! А! Будем считать это помощью, этакой израильской нитью Ариадны! — голос Гоблина торжествовал. — Восток — дело тонкое! А европейский восток... Ты видел, как писает комар? О! Так это ещё тоньше! Израиль — страна передовых технологий! У нас есть всё: от ядерного оружия до зубных протезов для грудных детей. Мы самые богатые люди в мире, и, заметьте, не только в Израиле! — последовала усмешка, прокатившаяся по лицам бородатых ортодоксов. — А у вас же, господин из далёкой России, нет даже своей знаменитой краснокожей паспортины! Не обидно ли?

— Не-а!

— Ой ли?!

— Не «ой ли»! Мне не нравятся принципы: грабь награбленное и принцип «Ивана-царевича».

— А что ещё это за принцип «Ивана-царевича»?

— Принцип? Ну, этот принцип: не возьмём силой — возьмём хитростью!

— Хитрость — второй ум. — Гоблин вновь усмехнулся.

— Хитрость — обман. Ведь ты знаешь, где мой паспорт. Знаешь ведь? Знаешь! А ведёшь ты разговоры про нить Ариадны, про передовые техно-

логии, чтобы время тянуть! И мне на всё про всё только час даден! Ответь мне на один вопрос. Паспорт в этом зале?

— Ну, хоть и в этом! Без разницы! Он у тебя под носом лежать будет, а ты не заметишь! — по залу пронёсся язвительный бородатый смешок. — Логика совково-русской не хватит, да и возраст к тому же!

— Что ж ты обо мне такого неважного мнения? Ну, пенсионер. Так у нас в России даже почталыоны только на пенсии жить начинают! А я всё-таки врач, и говорят неплохой. Логика мне не понадобится, буду использовать свой метод — психотехнический!

И я медленно пошёл в дальний конец зала, где на стене горела заманчивая надпись «Lost Property Office» (Бюро находок), по пути взглядывая в лица сидящих людей в чёрном. Лица, как лица, спокойные, невозмутимые — чего можно ещё ждать от третейских судей. А вот глаза, глаза — это совсем другое дело! Глаза — это зеркало души. Пока я шёл в направлении стола находок, поглядывая на стойки ресепшн слева, это зеркало было надменно-насмешливым и презрительным. Стоп! Стол находок — всё слишком просто! Явный подвох! Я остановился и обернулся на цепочку своих светящихся следов.

— Проблемы? — участливо поинтересовался голос Гоблина.

— No problem! Я вот иду и думаю, ведь твои равнины, судя по их реакции, знают русский?

— Наши равнины знают всё! Х-ха! А с чего ты взял, что они — равнины?

— Лица очень умные. Наверное, потому и третейские судьи. Не удивлюсь, что, если не найду паспорт, они будут надсмотрщиками на рудниках или сделают мне обрезание.

— Не богохульствуй! Равнины обрезаний не делают!

— Я знаю? При ваших технологиях мне кажется, шо они ещё и не такое могут!

— Хватит трепаться — ищи!

— Слышь, Гоблин, не зарывайся! Что за тон, когда говоришь с пожилым человеком — постоянно тыкаешь, покрикиваешь! Я ведь в 2–3 раза старше тебя! Поэтому попридержи характер! Шо я — Шлиман, который точно знал, где его Троя!

— О! Знаете, кто такой Шлиман? — в голосе Гоблина почувствовалось уважение.

— А то! — кивнул я и глубокомысленно добавил. — Думаю, что по моему методу в этом конце зала искать бессмысленно. Начну осмотр с входа.

При этих словах чуть дрогнуло веко глаза у ближайшего ко мне ортодокса, а взгляд из насмешливого превратился в стеклянно-безразличный.

— Да? Почему же бессмысленно? — запротестовал Гоблин. — Тут и стол находок и бюро всякие. Это подсказка, между прочим!

— Мне больше понравилась твоя первая подсказка при входе. А здесь... ну, зачем мне искать вашу чёрную кошку в вашей чёрной комнате.

— Моя подсказка при входе? Это интересно! И что это было? — Гоблин явно заинтриговался.

— Отвечу, как родному. Мой интерес может быть у меня под носом. Значит, прямо при входе.

— Да, но здесь на стойке ресепшн, кроме шляпы, больше ничего нет!

— Значит, моё дело в шляпе. Компромэ? — у «моего» раввина дёрнулась щека.

— Ну-у, — голос Гоблина был разочарован. — Ход твой. Действуй!

Я быстро подошёл к ресепшн при входе и поднял шляпу.

Там, светясь и переливаясь, лежал мой заграничный паспорт. Ну просто, как аленький цветочек в известной сказке С. Аксакова.

— Нашёл-таки, инспектор Мегрень! Что вы там говорили насчёт чёрных кошек в чёрной комнате? У Конфуция нет никаких кошек!

— А у меня были!

— Да если бы и были, всё равно их невозможно найти — они же чёрные! Их не видно! — выстроил логическую цепочку Гоблин.

— Правильно! Но вот только одна тонкость — у одной вашей кошки светились глаза! — и я подмигнул бородатому ортодоксу, у которого дернулась щека

— Станный вы народ, русские, сами создаёте трудности, чтобы их потом преодолеть! — вздохнул Гоблин. Его голос был бесцветен — ни радости, ни грусти.

Стоило мне взять паспорт в руки, как раздался телефонный звонок.

— Ну! Что замер! Глазки-то открой да трубку возьми!

Я открыл глаза — мой номер, моя кровать, в ней я — и действительно звонит телефон.

Утро, утро начинается с рассвета! Здравствуй, непонятная страна!

— Олег, экскурсия на Мёртвое море. Are you ready?

— Какое ещё «рэди», если я не могу отойти от первых впечатлений на земле обетованной — я не только не «рэди» — я никакой! Мне на рынок

нужно, а вы про какое-то Мёртвое море! На кой оно мне — живому! Don't understand me?

— O'key! Excuse me! Фирма не компенсирует ваш отказ от экскурсии.

— Скатертью дорога, мои хорошие — наполовину русские, наполовину иврито-английские, вместе с вашей компенсацией!

Продрав глаза и употребив бритву «Gillette», которой лучше для мужчины нет, я спустился на этаж «L».

За ресепшн стоял тот, кто почти не говорил, но частично понимал русский язык. Этого человека звали Надир, при слове «рынок» он пожал плечами. «Базар» — та же реакция. Я порылся в разговорнике.

— Шук.

Лицо Надира расцвело:

— Ити по Яффа километр! — и служащий показал рукой направление.

Значит, по улице Яффе один километр в гору.

Я вернулся в номер, выбрал тёмно-бордовый галстук-бабочку (далее он будет называться просто бабочкой) и накинул свой приталенный лапсердак. Взглянул на себя в зеркало и удовлетворённо крикнул — к базару готов.

Теперь мне предстоял путь в таинство восточного рынка.

Шук Ершалаима

Я шёл, фотографируя всё: красивый трамвай, идущий по улице Яффе, благоустроенное здание полиции, какой-то особняк с пальмами, лавку с пряностями, где меня никто не понял. В общем, всё, и, конечно же, сам базар.

Две трети базара размещались в 2 нешироких, но длинных протоках мрачного здания и заканчивались поперечной галереей соединяющей улицы Яффе и Агриппин.

Справа, примыкая к зданию, находилась уличная часть базара, именуемая в народе «шук цааканит», т.е. шумный базар. Непонятно, почему называли его шумным — везде кричали одинаково.

— Один, один шекель! — зывали продавцы мандаринов.

— Восемь шекелей, десять шекелей за прекрасные ягоды! — старались перекричать друг друга торговцы клубникой.

— Подходите, подходите — дешевле нигде нет! — несло с лотков маринованных оливок и маслин, хотя цены на этот товар были везде одинаковые — от 26 до 50 шекелей за кг.

Не кричали только продавцы фиников и орехов — к ним просто подходили и покупали их товар.

Удивительно, но бананов и киви, которых у нас за 60-й параллелью в изобилии, я не заметил.

На мясо и рыбу не смотрел — красиво, но дорого, да и готовить негде. Кстати, о деньгах: по курсу один шекель равен ~ 7—8 рублям.

О, как!

Поправив бабочку, с видом знатока я подошёл к лотку с земляникой и деловито произнёс:

— Эхад кило тут садэ. (Один килограмм земляники.)

Тут и далее не следует удивляться моему знанию иврита, так как все слова взяты из русско-ивритского разговорника и были заучены заранее перед походом на базар.

— Тут гина. (Клубника.) — поправил торговец и уставился на мою бабочку.

— Ло! (Нет!) Тут садэ! — я указал пальцем на ягоды.

— Муван. (Понятно.) — улыбнулся парень. — Руси?

— Yes, — почему-то по-английски ответил я. — Do you speak rusit? (Вы говорите по-русски?)

— Но, но! — замотал головой торговец и протянул мне контейнер с ягодами. — Шмона.

Что такое «шмона», я понял только потом. Ягод было больше одного килограмма, но я просил один, поэтому подал 10 шекелей и собрался идти.

— Момент! — парень положил передо мной монетку в 2 шекеля.

Я недоумённо посмотрел на торговца: ведь цена на табличке была десять.

— Кюшай! — улыбнулся тот и кивнул, закрыв глаза.

— Спасибо! — прошептал я и пошёл покупать финики. Хм, вот уж не думал, что слово «кюшай» интернационально. Одно слово, но как приятно и вкусно сказано.

Да, «шмона» оказалась числом восемь, а не то, что вы, вероятно, подумали!

Взад в гостиницу

Интересно, что «взад» компьютер посчитал словом непринуждённого разговорного общения. Что ж, и у техники своя логика.

На входе охранник Володя, в прошлой жизни — до 1998 года — обитавший в Питере у станции метро «Академическая», выпатив губу, авторитетно заметил:

- Пытаетесь поддержать свой иммунитет нашими витаминами!?
- Можно и так сказать, или в лучшем случае подумать. Хотя сомневаюсь, что эти витамины ваши, но то, что за мой счёт — это я знаю точно!
- Не придирайтесь к словам! — усмехнулся Володя.
- Да? Только я не к словам придираюсь, а к тону и смыслу.
- Интересно, и в чём смысл моих слов? — охранник как птица склонил голову.
- Моё дело сказать, ваше дело разобраться.
- И всё-таки?
- Непонятно? Тогда пролью свет на данное словоблудие. Мне, как в России, так и здесь, не нравится смысл, который закладывается в слово «наши». Я доходчиво излагаю?
- И чем так вам не нравится слово «наши»?
- Больно уж созвучно со словом «наци».
- А вы не перегибаете? Знаете, от этого сильно пахнет антисемитизмом! Ну, у вас фантазия: Израиль и нацизм! — Володя откинулся на спинку стула и высокомерно посмотрел на меня.
- Володя, вы — эрудированный человек?
- Ну-у, дураком себя не считаю!
- Значит, вы знаете, что такое фашизм. А это: когда нация превыше всего, когда мы — арийская раса, а остальные — недочеловеки.
- Почему Вы так агрессивно настроены против страны, в которую приехали гостем! Вам необходимо посетить музей Холокоста, чтобы понять трагедию нашего народа и его культуру! — патетично произнёс охранник. — Вы знаете, что за эту войну погибло более 6 миллионов евреев?
- Знаю. А вы знаете, что Россия потеряла в эту же войну более 27 миллионов человек?
- Ха, но из них 6 миллионов евреев! — победоносно усмехнулся Володя.
- А Польша? Вы знаете, сколько народу там погибло?
- Конечно! — скривил губы мой оппонент. — И большинство погибших были евреями!
- Хорошо. А Германия, Франция, Бельгия?
- Хотите поймать меня на незнании истории?! — Володя самодовольно ухмыльнулся. — Я, между прочим, закончил исторический факультет ЛГУ! Так вот, эти страны капитулировали перед Гитлером без боя и поэтому местное население практически не пострадало. Геноциду были подвержены только евреи. А это расстрелы, концентрационные лагеря, газовые камеры. Кошмар!

— Истфак — это звучит, но только вот что получается — если не пострадало местное население...

— Нет, конечно, кто-то пострадал! — неохотно пошёл на попятный Володя.

— Разрешите, я закончу. По-вашему считать, даже если пострадал лишь «кто-то», то количество жертв превысит официальную цифру Холокоста — 6 миллионов — в несколько раз. Что вы на это думаете, как историк?

— Слушайте, зачем вы — антисемит приехали в Израиль?

— С чего вы взяли, что я — антисемит?!

— За ваше неуважительное отношение к нашему народу и его истории! В течение всего нашего разговора вы постоянно что-то копаете, стремясь найти какой-нибудь негатив!

— Володя, побойтесь Бога, как историк! Народ и его история для меня — святое! Я ничего не копаю, просто меня, как дилетанта и человека, уважающего язык исторических цифр, мягко говоря, удивляет вольное отношение к этим цифрам, то бишь к истории!

— Вы имеете в виду меня? — охранник собеседился.

— Yes, of course, my dear! (Да, конечно, мой дорогой!) Да, именно вас, надежда и опора нашего отеля, я имею в виду! Отвечаю по порядку. Зачем приехал. Мой друг Арон, думаю, какой он национальности, говорить не надо, посоветовал, что мало писать доброжелательные книги о евреях, необходимо обязательно съездить на Святую Землю и насладиться благотворным воздухом, которым нельзя надыхаться. Не понимаю, как можно называть человека антисемитом, у которого масса друзей — евреи. И культура, да и народ в целом, мне нравятся. А теперь, Володя, ответьте мне, кто такие русофобы, ведь ЛГУ — это не фунт изюма!

— Вам лучше знать! — пробурчал мой собеседник.

— Эт точно! Не успел прилететь, а уже прочувствовал — и в аэропорту и в гостинице. В аэропорту с грехом пополам нашли русскоговорящую, а здесь, при исключительно русских туристах и паломниках, одна охрана говорит по-русски. Нонсенс! Ладно, сменим тему разговора, для обоих не очень приятную. Скажите лучше, где можно купить хорошей, но не дорогой израильской водки.

— Не знаю, — вполборота ответил Володя, пожав плечами. — Я конык пью, мне его из Франции привозят.

— Из Франции? Здорово! Тогда почему вы работаете здесь? — спросил я, заходя в лифт.

Володя заскрипел стулом, полностью повернувшись ко мне спиной.

Злобный я? Шо поделаешь — натура такая!

С одной стороны, получилось не очень хорошо, с другой — счёт между прошлой Россией и нынешней — 1:1! Прелестно!

Ляля Полякова

В номере я налил немного холодной воды в ванную и поставил туда пластиковые пакеты с ягодами и фруктами (напоминаю: холодильника у меня не было). С улицы раздался многоголосый гомон. Я выглянул в окно. Приехал автобус с паломниками и бабушкой. Что ж, спущусь к ресепшн, земляков посмотрю, послушаю.

Когда я подошёл к ресепшн, там звучала приятная для моих ушей русская речь. Паломники негромко галдели, не понимая, как нужно заполнять анкету прибывшего. В этот момент появился бабушка и обратился к своей пастве.

— Братья, прекратите шуметь! Сейчас я объясню, как нужно заполнять эти бумажки.

И вопрос с заселением был решён. Шум стих, и толпа быстро рассосалась. Я вздохнул — смотреть было не на что, а слушать некого.

— Об чём грустит славянская душа?

Я поднял глаза — передо мной стояла седая «девушка» моего возраста.

— I don't understand you, — мрачно ответил я.

— Странно: иностранец с таким русским акцентом.

— Вы акцент, как и все в этом Ершалаиме, по моей бабочке определяете?

— Слава тебе, Господи, иностранец по-русски заговорил! Бабочка? Это шо, багровый бантик на шее? — и дама, улыбаясь, уселась в кресло напротив меня. — Вы не против, шо я напротив? Ну?

— Что «ну»? Я не лошадь!

— Прошу прощения, пожилой конь! С бабочкой.

— Ну и что? — удивительно, но назойливость этой дамы меня не раздражала.

— Вот! Теперь вы сами снукались. Но ближе к телу. Я за вами наблюдаю второй день — откуда такая славянская грусть?

— Мне чаще говорят, что моя грусть семитская. Читаете по глазам или по бабочке? Вы что, психоаналитик?

— Хуже! Я — Полякова. Лариса Кирилловна, между прочим! Шалом?

— При чём здесь «шалом»?

— Ну, просто «шалом!» — засмеялась моя новая знакомая. — Это единственное слово, которое я знаю на иврите. Но вообще-то я полиглот!

- Знаете много языков?
- Нет, ем всё подряд!
- Тогда — полный порядок!
- В чём порядок-то?
- В полиглотстве. Я знаю три языка: командный, матерный и русский со словарём, — объяснил я и представился.
- Очень приятно! — улыбнулась Лариса. — Можно я буду называть для эпатажу — Алекс?
- Да? Вообще-то слово «эпатаж» носит скандальный смысл.
- Хм? И вы его знаете?
- Конечно, я же имею определённое отношение к культуре.
- Как интересно! И какое? В смысле отношение.
- О-о! Я работаю гардеробщиком в театре Комедии!
- Колоссально! Видели весь репертуар!
- К сожалению, нет! Очень занят — слезу за вещами. Можно я буду звать вас Лялей? Так мне проще.
- Да хоть горшком — лишь бы в печь не ставили. Ну, у вас, работников культуры, и словесные переходы!
- Такие же, как и ваш «шалом».
- Годится. Знаете, кого вы мне напоминаете? Мцыри Лермонтова!
- С ума сойти! А вы мне Карлсона, который снует по крыше, Астрид Линдгрэн.
- Даже так! И чем?
- Короткими штанами и взлохмаченной причёской.
- Прелестно!
- «Прелестно» — это моё слово! Запатентовано. Компромэ?
- Компромэ. Кстати, вы в каком номере?
- В 501, но сразу предупреждаю, интима не предлагать!
- А я в 601! Теперь понятно по чьей крыше мне придётся снова. Насчёт интима. Вам разве не бросился в глаза мой венец целомудрия!
- Przepraszam, pani! Конечно, бросился! Просто сказал, не подумав!
- Думать надо, батенька! А то нарвётесь на дамочку, которая вам такой интим устроит, что не приведи Господь! Что не на экскурсии?
- Таки вже тильки прибув.
- А шо это ещё за язык?
- Тю! Зовсим не разумеете! Так то ж наш рідний жёлто-блокидний!
- Так шо ж вы все языки знаете? В смысле говорите?
- Трошки на всех, окромя ивриту и французького.

- Понятно. И с какой экскурсии вы «тильки прибув»?
- Да з рынку! Торбу з харчами удому покидав — и сюди.
- Послушайте, хохол в бабочке, вы нормально говорить можете?
- Как паспорт потерять!
- Так говорите! С вами разговаривать — всё равно, что нашатырь с бергамотом пить.
- Не нравится, поговорите с охранником у входа, с ним я нормально общался, пока он не объявил меня персоной нон грата и антисемитом не назвал!
- Шо ж вы так! — Ляля укоризненно покачала головой. — Такой милый мужичок с бородой. Еврей, а как прекрасно говорит на русском и так много знает.
- Наверное, плохо спит, — буркнул я.
- Почему?
- Потому что много знает! Знает много! Тоже мне мытарь Матфей, он же Левий Алфеев! Ему с его знаниями и нравочениями евангелия писать, а не в охране сидеть! Историк хренов!
- Почему историк?
- Он сам сказал. А знаний этот мытарь нахватался у нас в Питере, откуда смылся в 99-м году по финансово-идеологическим соображениям. Жил он, между прочим, возле станции метро «Академическая».
- Вы так говорите, будто сами из Питера.
- А як же! С него родимого!
- Я тоже! — обрадовалась Ляля. — А о себе охранник сам рассказал?
- Конечно, сам! Правда, под пыткой. А так сам.
- А вы оказывается злой!
- Ну что Вы! Я не злой, просто немного злобный!
- Вы думаете, это лучше! — Ляля усмехнулась.
- Хм! Конечно лучше! Люди кривятся, когда лощёный франт в бабочке грязно выругается один раз, и будут это помнить, но совсем другое дело, если он постоянно так говорит.
- Таким вас сделал театр Комедии?
- Нет, таким меня сделала комедия Жизни!
- Ладно, гардеробщик, хватит о грустном! Тут мне одна хорошая знакомая, полуродственница предложила посетить музей Холокоста. Как ты на это смотришь?
- Можно и в музей. Только здесь в трамвай не содют, такси не ходют! А так можно и в музей.
- Ну, ты и совок! На авто поедем! Соображаешь!

- Соображаю, но пугает комфортность!
- Не боись — ты ж в стране передовых технологий!
- Это-то и пугает!
- Хватит пугаться, пойдём на улицу, подождём на скамеечке!
- Годится! Кстати, мы, что ли, на «ты»?

Моя новая знакомая кивнула как на само собой разумеющееся.

И вот мы с Лялей сидим на скамеечке на улице Яффе, а за спиной у нас здание гостиницы «Kikar Zion» и одновременно какого-то банка — ждём-с.

— Ляля, а что это за полуродственница? — спросил я и посмотрел на часы.

— Ира — моя воспитанница, в девяностом приехали сюда. Да не моль ты глазами часы — Ира ценит своё время.

— Эт хорошо, а наше?

— Что наше?

— Наше время она ценит? 12.15, между прочим!

— Не мелочись — ты же на отдыхе!

— Люблю точность, а ожидание, мон шер, таки не отдых!

— Не ворчи, Ира ведь женщина!

— Буду ворчать, ведь женщины тоже люди!

— Уймись, вот она идёт.

Я поднял глаза — улицу переходила широкобёдрая женщина в чёрном: атласные облегающие бриджи и кружевная блузка с глубоким вырезом на груди, на вид лет 35—40, склонная к полноте, волосы каштановые с красноватым отливом, лицо надменное.

Женщина, она же Ира, подошла к нам и поздоровалась.

— Ну как, вы готовы? — говорила она чисто с преобладанием гортанных ноток — очевидно, сказывалось постоянное общение на иврите. — А у меня небольшие коррективы. Арону для бизнеса может понадобится авто, поэтому мы поедем на трамвае.

В этом сообщении не было сожаления, только констатация факта, которому мы должны подчиниться.

— Ваш муж развозит пиццу? — невинно спросил я.

— Хм, у него своя фирма! — высокомерно ответила Ира, презрительно фыркнув.

Ляля же просто испепелила меня взглядом.

— Ирочка, извини, что вас не представила. Олег Петрович из Питера, работник в сфере культуры, — моя приятельница покраснела, сглаживая ситуацию.

— Интересно, что вы делаете в этой сфере? — насмешливо спросила Ира.

— Я? Я пишу книги, — по-своему скромно ответил я. — Евреям нравится, как я о них пишу.

И Ира, и тем более Ляля открыли рты.

— Вы пишете о евреях? — почти шёпотом поинтересовалась наш «гид», уставившись глазами в мою бабочку. — Вы же русский!

— Смотри, Ляля, как национальность определяется по галстуку! Прелестно!

— Ты мне ничего об этом не говорил. — Ляля покачала головой.

— Что поделаешь — типичная русская скромность. Да, чтобы не быть голословным.., — и я вытащил из сумки две своих книги: «Сагу» и «Евангелия». — «Сага» по отзывам пользуется у вас в стране популярностью. Хочу сегодня зайти в русскоязычное издательство и переговорить о печати.

— Вы написали эти книги? — Ира восторженно крутила «Сагу» в руках.

— Само собой! — солидно откликнулся я. — Вот и фото моё на обложке.

— Можно автограф? — Ира прижала «Сагу» к груди.

— Можно, но вечером. Стоимость книги 70 шекелей! — я пожал плечами.

— У-у-у!

— Что «у-у-у»? Стоимость её в России 80 шекелей. Ну, на нет и суда нет! Вообще-то владелец фирмы может позволить своей жене немного шикануть. Вы подумайте, подумайте, а вечером Лариса Кирилловна сообщит мне ваше решение. Ваш Арон лишил меня поездки в музей Холокоста, — я поднялся на ноги. — Только и у вас шансы на путешествие трамваем-красавцем минимальны — на ближайших трёх остановках автоматы по продаже билетов не работают. Утром проверял!! Дальше не знаю! Так что счастливо вам добраться до заветной цели, а я, убогий, пойду искать издательство, о котором уже говорил. Коль тув! (Всего хорошего!)

И оставив двух растерянных женщин, вернулся в гостиницу. Не готов я к ужасам самого большого в мире музея Холокоста.

Издательство «Золотая Карета».

В номере, бросив в сумку ещё пару своих книг, я направился на поиски издательства. При выходе меня ждала приятная неожиданность — сменился мой недруг Володя, и за столиком сидел Гена из Волгограда.

— Ф-у-у! Как я рад, Гена, что вы сменили своего напарника, с которым я теперь нахожусь на тропе шестидневной войны!

— Даже так! — Гена засмеялся. — И что же послужило причиной вашей конфронтации?

— Шук, арафатка и Адольф Шекельгрубер. (Арафатка и Шекельгрубер раньше просто вы-летели из головы).

— Хм, но фамилия Гитлера — Шикльгрубер! — не согласился Гена.

— Правильно! Как приятно, что охрана в Иерусалиме обладает таким историческим багажом знаний! Только Володя не поправил меня, а возмутился до глубины души моей заменой в данной фамилии Шикль на Шекель! Последней каплей послужили покупка мной арафатки и ирония по поводу его национализма.

— Да, Володя высокомерный человек, — негромко заметил охранник. — Для него существует только его мнение. Да, а почему вы назвали эту ситуацию шестидневной войной?

— Мой тур 8 дней, день прилёта и улёта можно не считать. Вот и получается шесть дней. Геночка, но у меня шкурный вопрос. Как мне найти русскоязычное издательство?

— Уф! Не знаю, как вам помочь! А впрочем, подождите! Вы сегодня ходили на шук, так вот если пройти чуть дальше, то там будет магазин русской книги. Найдите продавца Володю. Да, да, Володю! Это другой Володя. Пожилой продавец и хороший человек. Спросите у него. Думаю, подскажет.

— Спасибо, найду, — и, попрощавшись, я ушёл.

Выйдя из гостиницы и миновав первую трамвайную остановку, я улыбнулся, дойдя до второй, — на противоположной стороне улицы, тряся монетами возле билетного автомата, громко спорили Ляля и Ира. Автомат не заработал и у них.

По пути к базару-шуку сфотографировал новое здание городской полиции, какой-то красивый особняк с пальмами и открыл рот перед домом, на котором светились буквы «Салон красоты «ARTUR». Кириллица и латиница в одном флаконе. Буквы горели даже днём! Что вы хотите: восток — дело тонкое! Дальше аркада торговых рядов, уходящих вглубь серого старинного здания, галдящий открытый базар и только потом на прогибе каменных плит панели появились ступеньки книжного магазина.

Я открыл дверь со звякнувшим колокольчиком, спустился по ступенькам вниз и принюхался. Запах! В наших магазинах пахло книгами, здесь же стоял какой-то музейный запах. Может мне показалось, может

от погоды, а может от старых известняковых плит, из которых был построен этот дом, здесь пахло древностью.

Слева на полках стояли толстые журналы и различного рода справочники и каталоги, впереди перед ними на низких столиках тонкие журналы и периодическая печать (я имею в виду газеты и еженедельники). Справа на полках стояли книги, в основном современных авторов, зарубежная проза и фантастика. Поэзия и классика в глаза не бросилась, наверное, где-то стоят. В торце зала плакаты и календари.

Теперь о людях. За столиком с газетами сидел худощавый пожилой мужчина с усталым грустным лицом и что-то считал на калькуляторе. Напротив него за кассой возвышалась молодящаяся дама лет пятидесяти, внимательно смотрящая на меня.

— Шалом! — поздоровался я.

— Шалом! — отозвались хозяева.

Раз магазин представлял русскую книгу, то и разговаривать я решил по-русски.

— Уважаемые (обращения «господа» или «хаверы» решил не применять.), — я вытащил из сумки несколько своих книг и обратился к мужчине. — У меня два вопроса. Простите, вы — Володя?

— Таки да! — мужчина удивлённо поднял глаза. — Тогда у меня свой вопрос: откуда такая информация?

— Моссад шепнул.

— Понятно. — Володя улыбнулся. — Слушаю вас.

— Тогда первый вопрос: примет ли ваш магазин эти книги на реализацию?

— Нет, мы получаем товар только со своего склада. Дальше!

— Хорошо. Где я могу напечатать свои книги в Ершалаиме? На русском естественно. За этим в Израиль и приехал.

— Вы смелый человек! И кто дал вам повод так думать?

— Граждане Израиля, уехавшие из России. Они говорят, что такие книги здесь нужны.

— Вы так считаете?

— Нет, они так считают. Так какое издательство вы всё-таки посоветуете.

— Попробуйте обратиться в «Золотую карету».

— А это далеко?

— Да нет, недалеко, — вступила в разговор дама на кассе. — Агриппин 3.

— А что такое Агриппин?

— Агриппин — улица, параллельная Яффе. Если пройти через шук, вы на неё и выйдете, а там ещё немного по улице и издательство. Мимо не пройдёте — большая золочёная вывеска.

После этих слов дамы Володя грустно вздохнул и кивнул головой.

— Да, вывеска золотая.

— Спасибо, раз, два, три, четыре, пять — я пошёл искать!

— Счастливой охоты, Маугли! — и Володя снова вздохнул.

Я вышел из магазина, вернулся чуть назад и, пройдя через шук, добрался до славной улицы Агриппин. Номер ближайшего дома был 98 — осталось пройти 95.

Над Израилем, как над Испанией, голубое безоблачное небо, $T = +27^\circ\text{C}$, а мне в тёмно-синем лапсердаке с бабочкой томно под полуденным солнцем.

Ничего себе недалеко! Наверное, в магазине посчитали, что я — бешеный волк и для меня какие-то 100 вёрст не круг. С дома № 21 начал спрашивать: «Where is publishing house Gold Carriage?», т.е. где находится издательство «Золотая карета». Но то ли мой английский восьмиклассника был для прохожих как язык суахили для эскимосов, то ли всех отпугивала моя российская бабочка...

Наконец, я добрался до дома № 7, и вы не поверите, но здесь улица Агриппин заканчивалась. Не знаю, может быть, эта улица заканчивалась только для меня, может, это было знамение, говорящее, что нужно идти назад в гостиницу и не заниматься популизмом. Не знаю. Тогда мне казалось, что я чего-то не понял и издательство находится где-то рядом. Но где?

Господи, почему считается, что каждый второй в Израиле говорит на русском языке? По глазам я часто видел, что меня понимают, вот почему-то только говорить не хотят. Молодые — понятно! Буду искать поблизости кого-нибудь пожилого, авось повезёт.

О! Пожилой мужчина, за 60 — точно. Этот может знать язык. Подхожу и беру его за руку со словами «excuse me». Мужчина улыбается: «What do you want?» (Что вы хотите?)

— Do you speak Russian!

— Лё! — рука дёрнулась.

— Do you speak Finland? (Вы говорите по-фински?)

— Лё! — рука дёрнулась слабее.

— Do you speak China? (Вы говорите по-китайски?)

— Лё! — рука сильно дёрнулась, но я её удержал.

— Do you speak Hebrew? (Вы говорите на иврите?)

— Лё! — последовал яростный ответ, и мужчина, вырвав свою руку, отскочил. Откуда только такая прыть взялась. Сделав ещё несколько шагов в сторону, мой vis-a-vis обернулся и очень внятно выпалил: «ЖОПА!», а потом засмеялся.

Очевидно, он оказался тем самым каждым вторым жителем Израиля, говорящим по-русски.

А в издательство я таки попал на следующий день — охранник Гена отвёл меня туда за руку. Если найдутся желающие узнать, как это было, то им достаточно сходить в театр на оперу «Риголетто» и прослушать арию «Смейся, паяц!»

Знаете, чтобы продать книгу в России, её необходимо сначала написать, а потом издать. Для написания нужны нервные клетки, для издания — деньги. Здесь мне повезло — я был одновременно писателем и спонсором. После написания первой книги, «Саги о зелёных глазах», и восторгов со стороны волонтерши питерского «Хэсэда» Марии Израилевны Ивановой, а также гражданки Израиля Фени Горешник, влюблённой в Россию, мне начали сниться сны о моём литературном величии. Положительно к моим опусам отнеслись друзья и одноклассники: как же — один из них писатель! Ознакомившись с отзывами о книгах в Интернете, знакомые начали советовать съездить в Израиль и напечататься там. В Израиле — не в России, говорили они, там гонорары платят. Последней каплей послужил совет Ароши Мельника, сказавшего, что слава моя народная пойдёт от благодарных жителей земли обетованной — ну и я, ни попадая, поехал в Израиль. В Питере даже приснилось, как меня встречают в Израиле: цветы, музыка, автографы. Прелестно! А на деле — звериный оскал капитализма. Так, кажется, говорили во времена «застоя». Всё, хватит ля-ля!

Издательство. Почему «Золотая Карета» — не знаю. Может, просто вывеска такая.

Фу, вошёл! Охранник осмотрел меня так, будто я похож на преступника, кого разыскивает полиция.

— Шалом, — поздоровался я.

— Шалом, — ответил охранник.

— А вашей фирме говорят по-русски?

— Говорят, — мужчина почему-то закашлялся.

— Тогда мне нужен главный редактор.

— Сразу главный? — охранник усмехнулся.

— Сразу! Чего мелочиться! А вы давно из России?

— Второй этаж, там скажут, — последовал ответ, и палец стража порядка указал на лестницу.

Скажут! Размечтался! По второму этажу сновали русскоязычные, общающиеся только на иврите. При моих вопросах они смотрели на бабочку, потом на лицо, улыбались и молча отходили в сторону. Ну, наверное, не все, но два-то человека точно. Моё внимание привлекла рыжая худенькая девушка, читающая у окна рукопись. Я подошёл к ней.

— Простите, с кем здесь можно поговорить об издании книги?

Девушка, не отрывая глаз от текста, указала пальцем на дверь за моей спиной. (Хм, палец здесь заменяет слова.) Потом она подняла на меня свои огромные глаза и ойкнула.

— Элоhim адирим, руси! (Боже мой, русский!)

— А то! — гордо ответил я и направился к указанной двери. (Гордо, потому что это была одна из 10 фраз, на иврите мне известных!)

В комнате, в которую я вошёл без стука, стояли два стола. Один был пуст, а за другим сидел человек, удивительно похожий на Алексея Венедиктова из «Эха Москвы», только молодой, но такой же взлохмаченный и бородастый. Он разговаривал по телефону и, само собой, не по-русски. Человек поднял на меня глаза, хмыкнул, но продолжал разговаривать. Я взял стул у окна и сел. Наконец хозяин комнаты или кабинета отложил телефон и уставился на меня.

— Вы иногда стучите при входе? — с усмешкой спросил он.

— Иногда стучу, — кивнул я.

— О'кей! Какие проблемы? — мой собеседник начал складывать бумаги на столе.

— No problem! Есть вопрос.

— Да-а? — мой оппонент посерьёзnel.

— Вы можете напечатать мои книги?

— Какие книги?

— Вот эти, — и я выложил перед ним на стол «Сагу», «Одинокого антисемита» и «Евангелия Привоза». — Да, чуть не забыл: вот отзывы об этих книгах. Сверху отзывы из Израиля.

— Интересно, — и мой *vis-à-vis* быстро прочёл несколько отзывов. — Действительно интересно. И что вы хотите?

— Издаться в Израиле.

— Ясно. Тираж, макетирование, бумага?

— Наверное, 1000 экземпляров для начала будет достаточно. Как вы считаете?

— Разумно. В какой валюте будем вести расчёты?

— Полагаю в долларах.

— И это разумно. Когда собираетесь сделать предоплату?

Я замер.

— По вашему лицу я понял, что все расходы должно взять на себя издательство. Так?

— Да, я так думал, — опешил я.

— Это бизнес, уважаемый. Бизнес! Самоокупаемость или хозрасчёт, как у вас говорят. А бизнес в данной ситуации — это риск, и мы хотим его избежать. Печатание ваших книг заказываете вы, а не мы, и поэтому — кто заказывает музыку, тот и платит. Я доходчиво объяснил?

— Доходчиво. Но у вас же будет эксклюзивное право...

— Эксклюзивное право — это замечательно, но вас у нас почти никто не знает! Согласны? Вот! Знаете, сколько приехавших из России и не знающих языка предлагали нам свои сочинения? Это ж просто, Боже мой! Вы ж не Дина Рубина или Солженицын... пока!

— В России мой друг Арон называл меня русским Бабелем.

— Назвать можно кем угодно, хоть Толстым, хоть Шекспиром, но от этого вы ни тем, ни другим не станете.

— Но тематика... — вяло сопротивлялся я.

— А что тематика? Наверное, ваши книги нравятся тем, кого Россия чем-то обидела. Например, антисемитизм.

— Но есть и люди, влюблённые в Россию! — не соглашался я.

— Это скорее не любовь, а ностальгия о чём-то давно прошедшем. Такое бывает у людей, проведших большую часть жизни в России. Очевидно, ваши книги очень доброжелательны, и этого приехавшим людям здесь чувствуется, не хватает.

— Наверное, вы правы. Спасибо, что сняли розовую пелену с моих глаз.

— Не за что! Печатайтесь в России — это проще и дешевле. Там вас, очевидно, любят. Это понял ваш артист Козаков. Не забудьте свои книги. Удачи Вам!

— Ещё раз спасибо! До свиданья! — и мы пожали друг другу руки.

Уже закрывая дверь, я услышал за спиной:

— А дома-то издавались за свой счёт!

И не было язвительности в этих словах, просто дружеская усмешка.

Выйдя на улицу, я пожалел, что не подарил ему «Евангелия Привоза» со своим автографом. Но возвращаться не стал.

В питерском «Хэсэде» мне понравился лифт, здесь — этот израильский Венедиктов.

Чудеса Леонида Капитанского.

В этой главе мне хочется рассказать об одной из светлых страниц моего присутствия в Ершалаиме.

Путешествие по Святым местам.

Сразу оговорюсь — речь пойдёт не столько о Святых местах как таковых, сколько о том человеке, который их нам показал. Но главное — как!

Утро для экскурсии по Святым местам выдалось солнечным. Все 8 утр или утров, тьфу, ну, не знаю, как сказать, — в общем, то, что бывает перед днём, — было в Ершалаиме солнечным. Это вам не шестидесятая параллель.

Приглашения на экскурсии народ дождался в холле на 4 этаже. Моя экскурсия начиналась в 9.30 — вот я сидел и ждал. Остальные разъехались кто куда.

Наконец лифт открылся и в холл вошёл тот, кому будет посвящена эта часть повести.

Был у нас в Питере в театре Ленсовета артист Эстрин, так вот из лифта вышла его точная копия: и волнистые волосы с сединой зачёсанные назад, и усы, и комплекция. Даже такой же ироничный взгляд. Красавец мужчина! С моей точки зрения — но потом я понял, что не только с моей. Впрочем, что я вам рассказываю, — вы, должно быть, об этом артисте и не слышали. Ну да ладно!

Мужчина подошёл ко мне и вежливо спросил:

— Простите, вы ждёте мою экскурсию?

— Yes, — ответил я.

— По Святым местам?

— Yes.

— Вы же русский, зачем же ангажировать?

— Мою национальность вы, как и все израильтяне, определили по бабочке?

Уважаемый читатель, возможно, вас утомило мое частое муссирование бабочки и национальности, но, к сожалению, так это и было. Ещё один раз и всё!

— И по бабочке тоже, — мужчина улыбнулся.

— А если бы я был в лаптях, вы бы посчитали меня англичанином?

— Нет, я бы посчитал вас эрзей, — мужчина сощурил глаза, ожидая моей реакции.

— Ух ты! Вы слышали о Мордовии?

— Я долго жил в Саранске. Простите, нас ждут.

— Так что, от нашей гостиницы я один?

— Да, вы избранный!

— А я думал, что избранными могут быть только евреи! — удивился я.

— От вашей гостиницы Бог избрал Вас! — засмеялся гид. — Меня зовут Леонидом Капитанским. Я ваш гид.

Я тоже представился, и мы пожали руки.

— Настоятельно советую оставить пиджак в номере. Уверяю, холодного не будет. Жду Вас на улице.

Согласен, Ершалаим в апреле не Петербург.

Оставив пиджак, я вышел из гостиницы и сел в экскурсионный автобус, который закружился по серпантинной дороге в сторону Масличной горы.

Где-то через минут двадцать наш микроавтобус остановился. Леонид влез наружу и подождал всю группу.

— Господа, достаточно ли громко и внятно я сейчас говорю? Голос в автобусе и на природе воспринимается по-разному. Поэтому спрашивайте и переспрашивайте, если что будет непонятно. Теперь несколько советов. Старайтесь держаться компактной группой возле меня, тогда у вас не будет шансов заблудиться. Для вашего удобства ориентируйтесь на вымпел ООН, — и гид поднял над головами тонкую пластмассовую указку с ооновским флажком на конце. — Сумки и сумочки советую держать поближе к себе — при таком скоплении народа могут украсть и у нас. Ничего не покупайте с рук — туристов часто обманывают. Сувениры вы приобретёте в магазине, я вас в него приведу, причём с 50% скидкой. Об обеде тоже не беспокойтесь — поедите вкусно и недорого. Кажется, всё сказал. Всё понятно? Всё! Извините, за такие слова, но перед началом нашего похода я должен пересчитать поголовье, — Леонид извиняюще улыбнулся. — Так, пятнадцать человек. Комплект. Путешествие начинается!

Место, на котором мы находимся, называется долиной Кидрон, — Леня (читатель меня извинит, если для краткости я буду так называть нашего гида) обвёл панораму рукой. — На северо-восточном склоне расположена самая святая и знаменитая гора — Масличная. Когда-то она была покрыта оливковыми рощами. Отсюда её и название. Но предки наших друзей-итальянцев — римляне, где-то в 70-х гг. н.э., вырубил эти рощи для создания осадных машин, но название оставили. В настоящее время гора почитаема всеми: для иудеев — это кладбище, место захоронения на котором стоит, между прочим, 50 тыс. долларов. Для мусульман — здесь они живут. Ну, а для христиан — место, где увековечены события истории Христа.

Всё это Леонид рассказывал, когда мы шли к Масличной горе.

— На самой высокой точке горы царица Елена поставила храм «Им-вомон», круглый без купола, обозначив место вознесения Христа. Поблизости, на гребне холма расположены женский русский монастырь и русская церковь «Вознесения на Елеоне». Русская Православная Церковь считает, что именно это место является местом Вознесения Христа. В составе этого храма — «Белая колокольня» высотой 64 метра, знаменитая «Русская свеча», гордость Масличной горы. Один её огромный колокол был отлит в России и доставлен морем до Яффы, откуда на руках богомольцев перенесён в Иерусалим. Несли колокол 105 человек (на две трети женщины), несли семь дней. Кстати, кто из вас не был на Мёртвом море?

Из пятнадцати человек не был только я.

— Только вы? — Лёня улыбнулся. — Этот пробел можно восполнить, если забраться на верхнюю площадку колокольни. А это 219 ступеней железной винтовой лестницы. И там, в вышине.., — Лёня сделал паузу, блаженно закрыв глаза. — Там, как за нарисованной дверью в каморке старого папы Карло, вы увидите удивительную картину — гористый берег Мёртвого моря. И...

— А море? — спросил я.

— Что море? — Лёня спустился с небес.

— Море я увижу?

— Море? Не знаю, не влезал. Далось вам это море! Если хотите, завтра отвезу вас в Тель-Авив, там и поплещетесь!

— Не хочу. Меня и без вас премировали поездкой в этот город.

— Да-а? Ну, тогда продолжим нашу экскурсию.

Дальше мы посетили церковь Плача Господня (Слёз Господних). Церковь, имеющая форму слезы, поставлена там, где, по преданию, Иисус оплакивал будущее разрушение Иерусалима. Пройти мимо прекрасных семи золотых куполов-луковиц церкви Марии Магдалины совесть не позволила, тем более что дальше находился Гефсиманский сад, где молился и был схвачен Христос.

Наш гид Леонид оказался блестящим остроумным человеком, прекрасно знающим предмет своего повествования. Временами своей эрудицией и манерой изложения он напоминал мне нашего знаменитого рассказчика Ираклия Андроникова. И ещё. Он был внимателен, а не назойлив, хотя ощущалось, что каждый из нас у него «под колпаком». Наш опекун чувствовал ситуацию, когда его «поднадзорным» пришло время подумать, и тактично не торопил события.

Но больше всего на меня произвели впечатление две вехи нашего пути — это Гефсиманский сад и Стена Плача (стена заслужила, чтобы обе части её названия писались с Большой буквы). Именно там особенно чувствовалось, что Бог рядом. О Стене я расскажу позднее, а пока Гефсиманский сад.

Гефсиманский сад, вернее — то, что от него осталось. Это восемь огромных масличных деревьев с корявыми тысячелетними стволами высотой 15 метров. Часть корней маслин давно иссохла и выгнила, но молодые побеги на вершинах их крон поражали своей живучестью. Я стоял и, замерев, смотрел на это божественное чудо, поймав себя на мысли, что мне очень хочется коснуться рукой ствола этих деревьев. Желание было только коснуться коры маслины — и всё, но этому мешала небольшая ограда. И это было разумно — если бы ограды не было, то паломники с их стремлением взять ветку на память разнесли бы эти свидетельства о Христе на атомы. А так всё на месте: оливы, куски скал, на которых отдыхали апостолы, и камень Христа, где он получил Иудин поцелуй и был арестован. Прелестно!

Потом через Яффские ворота мы вошли в Старый город и направились к храму Гроба Господня. Интересна последовательность экскурсий: сначала мы видели место или места Воскресения, а затем нас приводят к Гробу Господню, рассказывают и показывают Камень Помазания и ведут по маршруту, приведшему Христа к Голгофе (Голгофа значит череп, на него она и похожа). Удивительно, но факт: после того, как я коснулся жёлто-розового Камня Помазания, мои ладони три дня пахли миррой. Чудесный успокаивающий запах. Наверное, только благодаря ему можно перенести полуротачасовую очередь в ротонде с Гробом Господним. Очередь, правда, больше напоминала мне первомайскую демонстрацию времён застоя, ну, это у кого какие ассоциации. Лёня, как законопослушный гражданин Израиля и бывший житель СССР, блюл принципы очереди. Заметив, что группа с болгарским флажком обходит нас по флангу, он попросил нас плотнее сомкнуть ряды и направился выяснять отношения с нашими «братьями-славянами». Благодаря его дипломатии болгарский прорыв не состоялся. Когда конфликт был улажен, я спросил Лёню, что он им сказал.

— Что? — гид лукаво улыбнулся. — Я зачитал им билль об их правах.

— Но мы же не в Штатах!

— Так они тоже! И ещё сказал, что Россия значительно больше Болгарии и если они с этим не вполне согласны, то могут воспользоваться правом на адвоката и сделать один звонок кому-нибудь прямо отсюда.

— Между прочим, я заметил, что в разговоре с конкурентом вы улы-
бались.

— А вы считаете, я должен был рыдать!?! — Лёня взял меня под локоть и доверительно шепнул на ухо. — Кроме того, я сообщил им, что среди нас есть знаменитый скрипач, который скромно, как и все, ждёт своей очереди. Вот!

— И кто это? — я с интересом стал озираться на членов нашей груп-
пы.

— Кто, кто? Да вы! Вы — единственный у нас, кого можно выдать за
скрипача, тем более что на вас бабочка!

— Лёня, да вы что! Я ж бывший врач, пишущий сейчас книги.

— Что с этого — я тоже бывший врач, но работаю гидом. Уверяю вас,
лишняя слава не помешает. Кстати, ваша бывшая квалификация.

— Опорно-двигательная система.

— Хм, выходит мы коллеги! В прошлой жизни я был врачом-травма-
тологом, — Лёня протянул руку. — Знаете, Олег, скажу как коллеге. Вам,
в отношении других молчу, после посещения Гроба Господня я обещаю
обыкновенное чудо.

— Почему только мне?

— Как единственному представителю скорбной обители «Kikar
Zion», — пояснил гид и стал рассказывать, как нужно себя вести при по-
сещении гробницы.

Чудо! Я — пожилой человек, но после своеобразных впечатлений,
полученных на земле обетованной, которые даже с натяжкой трудно на-
звать сказочными, мне как ребёнку захотелось чуда, и неважно, что оно
обыкновенное. Чуда, хочу чуда! Не помню, как входил в склеп, не помню
кого и что фотографировал — я ждал чуда.

Наконец, мы вышли из ротонды Гроба Господня, но ничего не про-
изошло.

— Спокойствие, только спокойствие, — услышал я голос Лёни и руку
на моём плече. — Господа-товарищи, все в сборе? Теперь осторожно, не
торопясь, следуйте за мной. Смотрите под ноги, ступени — металличе-
ские, скользкие!

Когда мы поднялись на второй этаж, в холле наш гид остановил груп-
пу:

— Дорогие полупаломники, прошу вас подождать пару минут, мне
нужно с этим седовласым мужчиной, — он указал на меня, — решить
один вопрос. Уважаемый, закройте глаза и откройте их только тогда, ког-
да я скажу.

Последние слова Лёня сказал на ухо и, взяв меня за локоть, шепнул: «Вперёд!»

Чувствовалось, что мы вошли в какую-то большую комнату или зал.

— Да не волнуйтесь вы — всё нормально! Идите, идите! Теперь стоп! Вдохните воздух в себя. Смешной! Не ртом — носом!

Я выполнил команду — и в меня ворвался шквал потрясающе вкусных запахов.

— Вы просите песен — их есть у меня! Откройте глаза! Ну как вам моё чудо? — гордо спросил Лёня.

— Что ж, эффект есть! Правда, я ждал чего другого. В смысле — другого чуда! Но и это впечатляет!

— Нам русским не угодить! — засмеялся гид. — Пойду, позову обедать остальных. Вы, избранный не только Богом, но и мной, выбирайте!

То, что я увидел, смутило вконец мой желудок. Вполне возможно, что имело место влияние суровых утренних постов в гостинице, которые называли «завтраками на весь день».

Здесь же, на низких столиках в хромированных и глиняных ванночках, было столько разносолов, что просто глаза разбегались. Просто не знал куда бежать, чего хватать!

Чего тут только не было: аккуратные небольшие куски говядины, баранины, курицы и индейки, в меру прожаренные с тонкой хрустящей корочкой! И всё это скворчало и дымилось в каком-то потрясающем соусе, источающем аромат, от которого можно было проглотить язык. Не могу промолчать о гарнирах. Тут и ненавистные мне спагетти, и картошечка «фри», и половинки картофеля, запечённых, будто на костре, и отварные рис и нут. О салатах говорить не буду — до фига. Вот только кофе и чай дорогие — 10 шекелей. А так — прелестно!

Когда наша группа набрала еды и расселась, ко мне подошёл Леонид.

— Ну, коллега, как моё чудо? — спросил он, подперев ладонью подбородок.

— Честно?

— Конечно, честно! Лжи между нами, русскими, быть не должно! — Лёня лукаво улыбнулся.

— А это ничего, что вы говорите «нам русским», «между нами русскими»?

— Вы же на меня не стукнете, тем более не знаете куда! Но вы не ответили на вопрос: как вам чудо?

— Чудо с таким послевкусием действительно прекрасно! Только как вы догадались, что я посчитаю это шоу чудом? Неужто по бабочке?

— Слушайте, почему вы зациклились на своей бабочке! Не по бабочке, по глазам догадался! Ещё в холле гостиницы.

— И какие, позвольте спросить, были у меня глаза? Или это тайна?

— В ваших глазах была славянская грусть голодного человека.

— Так уж и голодного — что-то на завтрак я ел.

— Да бросьте вы! Вот именно, что-то! Знаю я кухню «Kikar Zion»! Нарублено много всего — и ничего!

— Зря вы так, — усмехнулся я. — Яйца вкрутую они готовят превосходно!

— Ну, если яйца вкрутую, то конечно!

— Хм, значит, вы привели нас сюда исключительно из-за меня?

— По правде говоря, — Лёня смутился, — у меня договор с этим заведением. Мы пришли бы сюда в любом случае, но с вами я очень эффективно обыграл свой вариант! Неплохо ведь вышло!

Лёня довольно потёр руки.

— Неплохо. И как называется это заведение?

— Арабский ресторан самообслуживания. В России его называли бы обильным шведским столом — съесть можно, сколько душа просит... или желудок!

— В шведский стол входят и напитки. Здесь же приходится платить отдельно. 10 шекелей за стакан оранжа или чашечку кофе. Дорого! У вас же апельсины на каждом дереве — и кофе, небось, растворимый!

— Но ведь покупают же! — Лёня вновь смутился.

— А вам не захочется попить после такой сытной еды? Да вы сказали, что ресторан арабский. Это как?

— Конечно! Мы же находимся в Старом городе! Здесь евреев меньше 2500 человек. Живут они в Еврейском квартале, занимающем десятую часть Старого города. Поэтому не удивляйтесь, что после обеда мы пойдём в арабский магазинчик сувениров.

— У вас с ними тоже договор?

— Да-да! — и гид пошёл к стойке бара, откуда, повернувшись лицом к нашей группе, громко сообщил. — Граждане-пилигримы, стоимость обеда 56 шекелей! Все слышали? 56 шекелей!

56 шекелей. Это где-то около 400 рублей. За такой обед, думаю, совсем недорого.

Расплатившись, мы вышли на улицу, нас уже ждал Леонид.

— Друзья, эта узкая улочка, на которой мы находимся, называется Виа Долороза (Скорбный путь). Здесь в башне Антония (к сожалению, ныне она разрушена) прокуратор Понтий Пилат осудил Иисуса Христа¹. Скорбный путь Христа имеет 14 остановок (станций), находящихся в основном в мусульманском квартале.

— И одна из остановок будет в арабском магазинчике сувениров, — вставил я.

— Правильно, — подтвердил Лёня, слегка покраснев. — Однако вы — озорник, ваше благородие, но у нас будут и другие остановки.

И мы ступили на Скорбный путь Христа. На второй остановке, где Иисус был подвержен бичеванию и получил свой Крест. Третья, седьмая и девятая остановки, на которых падал от изнеможения Сын Божий. Четвёртая, где он встретил свою Мать. Остальные остановки находятся в храме Гроба Господня. Правда, у нас была и пятнадцатая остановка, не имеющая к жизнеописанию Христа никакого отношения — остановка в арабском магазинчике сувениров.

Из сувениров я приобрёл несколько фаянсовых иконок, небольшое деревянное распятие и белую арафатку. Интересно, что вид этой арафатки производил на местных евреев, в основном приехавших из России, такое же впечатление, как «Чёрная метка» на Билли Бонса.

Но это всё лирика, поскольку мы подошли Стене Плача. Здесь её называют Западной стеной или Соломоновой. Для европейцев, тем более русских, она носит имя Стена Плача. Так величественнее и значительней.

— Вот мы и вышли к Стене Плача. Мальчики прямо, девочки налево. Налево в прямом смысле. Приобщайтесь к древности, — продекламировал Лёня и, положив руку на мое плечо, тихо сказал. — Камрад, у вас стало другим лицо.

— Каким это ещё?

— Другим. Серьёзным и задумчивым. Это хорошо. Вот вам кáпа на память, от меня лично. При входе вам выдадут такую же кипу, но эта будет от меня, — и обернувшись к группе, гид сообщил. — Перед тем как разойтись — историческая справка.

Есть поверье, что Стена Плача, она же Западная стена, сложена из камней руин Первого и Второго храмов. Западная стена считается в Израиле главной святыней.

Протяжённость Стены 488 метров. Высота стены и фундамента — по 17 м, они сложены из огромных каменных монолитов. Средняя вы-

¹ Иисуса Христа осудил на смерть иудейский синедрион (ред.).

сота гладко отёсанных камней иродианской кладки — 1–1,2 м, длина — 1,5–3 м. Стена надстраивалась. Над иродианской кладкой в пять рядов положены позже ещё девятнадцать рядов меньших по размеру камней. Слева в мужской пристенной синагоге вырыты геологические колодцы. Колодцы освещены, и если присмотреться, можно увидеть фундамент, состоящий из 19 горизонтальных рядов огромных камней. Теперь будьте внимательны! По глазам вижу, что будут вопросы.

Центральная часть Стены служит местом для молений и имеет длину 156 метров. Она состоит из двух площадок, мужской и женской, разделённых невысокой перегородкой. Каждая площадка имеет свой вход. Мужчины с непокрытой головой должны на входе взять кипу. Дамы декольте или в шортах полчат накидку, — Лёня галантно повернулся к женской половине. — Накидку можно использовать как пелерину или юбку. Ничего не сделаешь — таковы обычаи. Вопрос о разделении группы на девочек и мальчиков будем считать закрытым. А теперь, вперёд! Стена Плача ждёт нас!

Стена Плача!

Я закрыл глаза — и темнота наполнилась многоязычным шёпотом и шелестом или шарканьем едва слышных шагов. Такое бывает в пустом храме, когда ты стоишь в его центре совсем один. Вы скажете, храмы пустыми не бывают. Представьте себе, бывают! Так же случилось со мной в Никольской церкви, когда я зашёл в неё задолго до начала службы. К моему удивлению, двери церкви были открыты. Вот и зашёл. В Бога я верю без посредников: тучных, бородатых, с набрякшими веками, безразлично слушающих тебя, будто делают одолжение. А тут вокруг тишина и тихий ропот — словно время проходит.

Я открыл глаза.

Стена Плача. Двое молодых солдат в беретах приложили ладони к древним камням и замерли, как у «Вечного огня». Вот юноша с пейзажами в чёрной шляпе устался на травинку в Стене и шепчет что-то своё. Молится, наверное. Рядом мужчина средних лет, расставив руки, прижался всем телом к тёплым камням и плачет. И всё в тишине. Под каждой крышей свои мысли, своя судьба. Так кажется, писал российский еврей Иосиф Уткин в «Повести о Рыжем Мотеле...»

Наступило время и моего общения со Стеной.

Я дошёл к живой вечности (да, да, именно живой!), снова закрыл глаза и дотронулся до многовекового известняка рукой. Ладонь словно обожгло крапивой. Но не больно, скорей ласково. Послышался тихий вздох и голос:

- Хм, хорошо, что не убрал руку. Не больно было?
- Нет.
- Я знал.
- Знал? Может, знала? Ведь стена, даже Стена Плача, женского рода.
- Я — хакотэл! На иврите Стена Плача мужского рода.
- А что такое хакотэл?
- Это и есть Стена Плача! — усмехнулся голос.
- Значит, я разговариваю со Стеной?
- Выходит так.
- И как мне к тебе обращаться?
- А как хочешь, — последовала пауза. — И что ты собирался у меня просить?
- Просить? Ничего.
- Такого не бывает, все что-то просят.
- Всё, что мне дорого, осталось в России.
- Тогда зачем сюда приехал?
- Я книги о семитах пишу. Вот за знаниями и приехал. Хочу убедиться сам; правда ли, что Израиль — страна-сказка, посмотреть на народ хочу, встретиться со своей учительницей.
- Как ты тактично изъясняешься! — фыркнул Голос. — Семиты! Арабы тоже семиты. Говори проще — о евреях пишешь.
- Угу, у нас в России, если еврея евреем назовёшь, косо посмотрят. Ещё антисемитом обзовут. Как в Америке, едрёныть, где все негры — афроамериканцы!
- Понятно. И сколько дней ты положил, чтобы получить знания эти?
- Восемь, из них день прилёта и отлёта можно считать одним днём.
- Не густо! Всего неделя! — хмыкнул хакотэл («h» я решил заменить созвучной «х.»).
- Удивительно, камень разговаривает со мной по-русски — и выражения чисто русские! А сколько языков, хакотэл, ты знаешь?
- Язык каждого, касающегося меня рукой.
- Блеск! А у меня не получается — кого ни коснусь, никто по-русски всё равно не говорит!
- Странно, — озадачился камень. — Я был уверен, что половина населения Израиля знает русский язык.
- Слушай, камень, — возмутился я. — Тебя случайно не из России привезли и среди других местных камней втиснули? Ты же рассуждаешь, как многие в России!

- Может, ты попадал на тех, кто не знает твоего языка?
  - В том-то и беда — понимают, но не говорят! — топнул я ногой, боясь оторвать руку от Стены.
  - Не говорят? — задумчиво произнёс хакотэл. — Может, обидели их в русской России — вот и стараются они своё прошлое забыть!
  - Может! Всё может быть! Только знаешь, тысячетелный толмач, у людей без прошлого нет будущего!
  - мудро! Очень мудро! Слушай, руси, не хочешь полежать со мной несколько веков!? — усмехнулся голос Стены. — Тут тебя аккуратно подтешут и рядом со мной удобно положат.
  - Нетушки, святыня Израила, меня в аэропорту с паспортом так обтесали, что ночью кошмарики снятся! Я, наверное, один в Израиле с паспортом под подушкой сплю!
  - А хочешь знать иврит?
  - Теперь уже нет!
  - Но мне хочется чем-нибудь тебя одарить!
  - Одарить? Тогда одари меня душевным спокойствием в Израиле до возвращения домой.
  - Да будет так! — торжественно прозвучал Голос Стены Плача.
  - Спасибо! Вот уж не думал, что у камня есть душа! Прощай, замшелый!
  - Прощай! — был удаляющийся ответ.
- И я оторвал руку от камня в Стене Плача.
У выхода с площадки меня ждал Леонид.
- Ну как, пообщались?
  - Да. А что так заметно?
  - Естественно, вы весь такой просветлённый! Светитесь даже! Пора возвращаться. Только вас и не хватало.
  - Лёня, вы знали, что Стена говорит?
  - Говорят, камень Кааба тоже гово..., — Лёня сделал глубокомысленное лицо, но я его прервал:
  - При чём тут Мекка? Я говорю про Стену.
  - С избранными может.
  - Трёп?
  - Нет. И больше не будем на эту тему.
  - Нет, будем!
  - Вот упрямец!! Он говорит только с теми, кто его слышит. Выходит, что вы один из них!
  - Это хорошо?

— Не знаю. Может хорошо, может нет.

Подошла женщина из нашей группы и попросила её сфотографировать на фоне Стены. Когда я делал снимки, к нам подошёл мужчина в кипе и с повязкой на рукаве.

— No photo. No! — начал махать он руками. — Шабат!

— Какой у нас шабаш! Просто фотографируемся! — возмутилась экскурсанта.

— Всё нормально, никакого шабаша, просто у нас шабат — суббота! — засмеялся наш гид и добавил. — В субботу иудеям нельзя фотографировать, а православным, если потихоньку, то можно. Это не охранник, волонтер.

— Да? Тогда шлёпните и меня пару раз! — попросил я женщину.

Только она успела сделать один снимок, снова подскочил волонтер.

— Делайте второй снимок, а с этим мэшуге я разберусь сам, — и, поставив ладонь перед возмущенным мужчиной, громко скомандовал. — Silence (тише)! Русо туристо обliko морале!

Я убрал аппарат и волонтер, скрипя зубами, ушёл.

Недалеко Лёня давился от смеха.

— Ай, молодца! Хорошие всё-таки туристские фильмы ставил Гайдай! — продолжал смеяться он, когда мы сядились в автобус.

Через 15 минут на стыке улиц Агрон и Ха-Емек автобус остановился. Ляля повернулся ко мне и негромко спросил:

— Это ничего, что мы не подъедем к отелю, тут вниз по улице метров 200.

— Ничего. Хорошая была экскурсия.

— Приезжайте ещё! — Лёня улыбнулся.

— Лучше вы к нам!

— На Колыму?

— На неё родимую. Там воздух хороший, — кивнул я.

— Всего хорошего! Коль тув! — гид протянул руку.

— Бэ ацлаха! И вам не хворать!

— Ух ты! Иврит! — Лёня удивлённо качнул головой.

— А то! — и я, махнув рукой, начал спускаться по улице вниз.

В гостинице в холле перед столовой Ляля разговаривала с какой-то русской паломницей из Казахстана. Почему я решил, что из Казахстана? Да потому, что «казахи» носили куртки цвета хаки с нарисованным на спине солнцем, вокруг которого латиницей было написано «Казахстан». Заметив меня, Ляля прервала разговор и подошла:

— Шалом, писатель! Где пропадал?

- Плакал возле хакогэла. Не всем же по Холокостам ходить!
- Ой-ой, расфырчался! А что такое хакогэл?
- Иврит знать надо!
- Перестань сорить отдельными словами — сам иврита не знаешь!
- У меня хоть разговорник есть!
- И что это за коктейль, от которого ты плакал? — Ляля дёрнула меня за пуговицу рубашки.
  - Серая вы, мадам, а ещё в Израиль приехали! Это ж надо, хакогэл коктейлем назвать! Хакогэл — это Стена Плача! О как! Понятно?
  - Я так и сказала: «хахател»! Не придирайся к моему прононсу!
  - Тоже мне французенка! Прононс, видите ли, у неё!
  - Какой же ты всё-таки гадкий! Никакого такта в разговоре с красивой женщиной!
  - Пардон, мадам! C'est ma faute (Это моя вина). Как твоя поездка в храм ужасов?
    - Ирка с мужем таки засранцы! — начала словесное линчевание Ляля. — Насчёт машины я её за язык не тянула! А наша поездка — просто море крови! Знаешь, а этот всемирно известный музей не бесплатный — 30 шекелей за вход! Но сам музей впечатляет: потрясающие экспозиции, наушники, сурдоперевод...
      - Surdo от surdus, значит глухой. Это латынь, дорогая!
      - Всё ж ты — мерзавец! Достал ты меня своими энциклопедическими знаниями! Другой человек, более воспитанный, промолчал бы, а этому обязательно нужно носом ткнуть! Просто не можешь без этого!
      - C'est ma faute!
      - Это ты извинился? Ладно. В общем, Холокост — это жуть и кошмар!
      - И нам за эту жуть, к которой отношения не имеем, приходится платить 30 шекелей. Музей таких преступлений и зверств должен быть бесплатным. Знаешь, Ляля, мудрецы Талмуда советуют начинать и заканчивать разговор шуткой или анекдотом. Как ты думаешь, какой фразой в «Тевье-молочнике» Шолом-Алейхем заканчивает одну из самых трагических глав?
        - И какой, если ты помнишь? — пожалала плечами Ляля.
        - «Давайте поговорим о более весёлых вещах. Что там слышно насчёт холеры в Одессе?». Какой блестящий умница!
        - Смотрю я на тебя и думаю: кто ты? Антисемит или сионист?
        - Я — советский человек мира, просто любящий свою Родину.
        - Не слишком ли ты о себе высокого мнения, дорогой? — Ляля подумала, что сыронизировала.

- Не-а, в самый раз, дорогая!
  - Ну-ну! А я завтра еду на экскурсию в Тель-Авив.
  - Ан-н-налогично!
  - Ты тоже едешь? Какой кошмар!
  - Угу, хуже Холокоста.
  - Ты хоть при русскоязычных надо мной не изгаляйся!
  - Хорошо не буду. Пошёл пить.
  - Водку, что ли?
  - Водку? Спасибо, что напомнила, у меня ещё варёное яйцо на закуску есть. Я о водке с этим кофе чуть не забыл!
  - Шалопут!
  - От красавицы слышу! Buenas noches, синьора!
- И мы расстались до утра.

Сара из Тель-Авива

Наступило утро. Помните, как я назвал предыдущий день? Напомню: светлой страницей! А этот день, особенно в конце, перечёркивал всё положительное, что я видел и слышал в Израиле напрочь! Даже «жопу»! Это касается поездки, которой меня премировало турагентство. Конечно, я имею в виду гида.

Не знаю, кем была эта красно-белая женщина, то ли поклонницей «Спартака», то ли обожательницей Польской республики. Не знаю. На вид ей было... ну, где-то между 18-тью и 35-тью годами. Она постоянно смеялась, считая это своей коммуникабельностью. Не успели мы тронуться в путь, как она начала щебетать, щебетать, щебетать. Всё, что она нам говорила, можно было найти в самом задрипанном проспекте об Израиле. Члены нашей группы сами начали вести экскурсию, спрашивая, что мелькает за окном. Что Сара знала, то и сообщала, а когда не знала, смеялась, обещала рассказать всё на обратном пути. А пока — ух!

— Израиль — великая маленькая страна, окружённая врагами, но обладающая ядерным оружием и самыми передовыми технологиями.

Мы всем обеспечиваем себя сами, даже нефтью и газом. Конечно, мы ими не торгуем, но нам хватает! Медицина в нашей стране — она самая передовая. Знаете, сколько людей приезжает к нам лечиться? Сотни тысяч! А знаете, где самая лучшая алмазобрабатывающая промышленность?

- В Израиле, — грянул автобус.
- А кто самые богатые в мире?
- Израильтяне! — взревели мы в едином порыве.

— Правильно! Евреи! — радостно кивнула Сара. — А клубника круглый год на ваших столах — чья?

И тут мне шлея попала под хвост.

— Тут я, как ботаник, не согласен!

Автобус притих, а Сара, выпучив глаза, сдавлено выдохнула:

— Почему?

— Потому что это не клубника, «тут гина», как большинство незнающих считают, а садовая земляника — «тут саде»! Вот так!

— Но всё-таки «тут саде» наша? — неуверенно спросила Сара.

— Да, тут претензий нет. Ваша! Причём почти вся! И это ещё не всё! Редиска, апельсины и финики тоже из Израиля. Но и это не главное! — продолжал я просвещать экскурсию. — Я, извините, человек пьющий и хочу спросить у присутствующих тут двух мужчин, чем лучше всего закусывать водку.

— Солёным огурцом! — вырвалось у одного из мужчин, ойкнувшего от толчка в бок локтем жены.

— Ответ правильный! Именно солёным! Непременно солёным. А что у нас на прилавках? Какие огурцы? Одни маринованные и консервированные из Китая. И тут в одном универсаме я увидел зелёно-чёрную банку с надписью «Солёные огурчики», 700 г. Пришёл домой, вскрыл банку, а там они голубчики: ровненькие, небольшие, хрустящие. Сами в рот просятся! Ну, естественно, тяпнул стопочку, огурчиком хрустнул и решил посмотреть, в какой области у нас эту прелесть делают. И как вы думаете, какую надпись я увидел?

Народ напряжённо внимал.

— Израиль! — неожиданно вырвалось у покрасневшей Сары.

— И это правильный ответ. На банке стояла надпись «Изготовлено в Израиле»! Каково!

— Колоссально! — Сара радостно заплодировала.

Я раскланялся, будто потрясающе сыграл на балалайке, и после этого Сара защебетала вновь. Она так вольно обращалась с русским языком, что сленг мог бы показаться детской игрушкой. Однако хакотэл выполнил своё обещание — я был спокоен и только улыбался.

Но однажды моё терпение кончилось. В очередном панегирике Израилю Сара заявила:

— Вы знаете, все купленные в Голландии коровы дают у нас вдвое больше молока, чем дома.

— Простите, какие-нибудь новейшие технологии? — поинтересовалась одна из женщин.

— У нас коров доят во время максимальной беременности, — ответила Сара с видом знатока.

— Объясните мне как специалисту термин «максимальная беременность», — не выдержал я. — Это во время постоянных родов, что ли?

— Вам-то какая разница — вы же ботаник, — усмехнулась Сара.

— Ботаника — моё увлечение, а так я ветеринар. Делаю котам обрезание в ветлечебнице, — елеинным голосом пояснил я.

Сара почувствовала в моих словах какой-то подвох.

— Хм, у вас довольно широкий круг интересов! Время максимальной беременности наступает тогда, когда коровы дают максимум молока, — отрезала гидуныя и отвернулась.

Сидящая рядом Ляля давилась от смеха.

За окном замелькали строения аэропорта.

— Смотри, сейчас будет рассказывать про то, куда мы прилетели.

И Сара завешала:

— Это аэропорт Бен-Гурион. Одна из важнейших точек авиатрасс мира. Это знают все. Мы же начнём нашу экскурсию со всемирно известного Алмазного центра. Там вам покажут алмазы и как они обрабатываются. Это очень интересно.

— Сара, денег на приобретение драгоценностей я не захватил. В этом случае, я думаю, посещать центр мне не имеет смысла. Пойду-ка лучше к морю, посмотрю город, сольюсь, как говорят, душой с природой.

— Нет, нет! Я отвечаю за каждого из вас, поэтому советую держаться вместе!

— Вообще-то, этой поездкой меня премировали, может, и алмазами тоже премируют?

Сара посмотрела на меня, как, в своё время, генерал Моше Даян на президента Насера.

— Да вы что! — ошарашено спросила она.

— Нет — так нет! А что, нельзя поинтересоваться!

— Мы подождём вас здесь, — вступила в разговор Ляля. — Я уже посещала этот центр ранее, так что составлю этому господину компанию.

— Вы, наверное, там сговорились у себя в гостинице! Хорошо, можете сидеть на улице и лишать себя истинного удовольствия!

— Побойтесь Яхве! Просто наши желания совпадают! — поддержал я свою соседку.

Тут наш автобус подкатил к зданию алмазного Центра.

— Сколько вас человек? — спросила встретившая нас сотрудница Центра.

— Пятнадцать, — ответила Сара, бросив на меня яростный взгляд.

Заметив, что я собираюсь задать вопрос, она тихо прошипела:

— Да тише вы! Нам главное — войти всем вместе, а там посмотрим! Может, вам ещё понравится!

А что могло там понравиться? Смотреть стоя получасовой фильм, где Израиль в бриллиантовых делах впереди планеты всей? Или ахать возле выставки дамских алмазных хомутов? Правда, один экспонат впечатлил — портрет Мерилин Монро из алмазной крошки.

Когда наша группа приблизилась к турникету перед гранильным це-хом, мы с Лялей скромно отошли в сторону.

— Вижу, фильм с выставкой вас не впечатлили! — насмешливо бро-сила Сара.

— «Совки», представьте, равнодушны к сверканию камней и блеску золота!

— Ну-ну! Хм, Совки! Надо запомнить! Ждите нас на улице и никуда одни не уходите!

— Как можно! Не сомлевайтесь, боярыня! Всё исполним!

И Сара, фыркнув, исчезла вместе с группой.

Появились они через сорок минут.

Один нюанс: по пути к автобусу Сара и сотрудница Центра остано-вились.

— Хамэш-эсрэ?

Сара кивнула, и получила за этот кивок небольшую пачку банкнот.

Уже потом я посмотрел в словаре, что «хамэш-эсрэ» значит пятнад-цать, т.е. наше поголовье, а банкноты — его стоимость. Так-то вот!

А что Тель-Авив! Тель-Авив как Тель-Авив. Лазурное море, живое апельсиновое дерево, растущее в каменном шаре, висящем в воздухе на цепях, да «Ворота Желаний», за которые можно подержаться и чего-ни-будь пожелать. Только вот сбудется это желание или нет — кто знает. Моё сбылось: я пожелал без проблем вернуться домой.

Ф-фу! Чуть не забыл рассказать ещё об одном эпизоде этой экскур-сии — о Сарском обеде. Это не описка, просто так я назвал обед, который нам устроила Сара.

И всё казалось бы смешно, когда бы не было так грустно. Не собира-юсь я с издёвкой рассказывать обо всём, что со мной тут происходило, просто настраивался на страну-сказку, а получил страну-быль, такую же, как Россия.

На обед согласился, памятуя, как нас кормил Леонид Капитанский, — и жалко, что тут ошибочка вышла!

То, что Сара называла рестораном, оказалось обычной забегаловкой под тентом, находящейся на обочине шоссе, идущего по высокому и крутому берегу Средиземного моря. Не было в этом общепите чистоты и ухоженности арабского рестораника Старого города. С кухни доносился такой же прогорклый запах, который идёт у нас в России от компаний, приезжающих в парки «на шашлычки». Может быть, поэтому двое экскурсантов, муж и жена, отказались от обеда. И правильно сделали!

Теперь — то, что нам принесли. Тарелочка с шестью маслинами, салат из мелко нарезанного «болгарского» перца и лука, стакан апельсинового сока и венец программы — шесть кусочков шашлыка на шампуре. Я попробовал мясо. Полный Абголец, т.е. абзац! Наверное, шашлык готовили при Иисусе Христе! Ископаемое, окаменевшее!

— Сара, можно вас на минутку! — позвал я нашу гидунью.

Та неохотно встала из-за своего столика и лениво подошла.

— Ох, ну что вам ещё здесь не понравилось? — со вздохом спросила она.

— Сара, вы видите этот шашлык?

— Ну?

— Вы его пробовали?

— Нет, я не ем мяса!

— А я пробовал! Это не мясо, а камень!

— Хм! Шашлык как шашлык. Что вам опять не нравится?

— А вам хочется, чтобы я это ел с удовольствием Чарли Чаплина из «Золотой лихорадки»: отваренный ботинок — и восторженно облизывал шнурки!

— Но один кусок вы всё же съели! — явно издеваясь, спросила Сара.

— Должен же я знать, чем отравлюсь и какова на вкус одна из окончностей звёзд вашего флага — кусочков ведь было шесть! Думаю, вы и это знали! И ещё, сколько стоят все эти яства?

— Какой вы, однако, злой! 20 долларов. Платить всё равно придётся — один-то кусок всё-таки съеден!

— Я не злой, а немного злобный, не помню, кажется, я уже это говорил кому-то. А знаете, что я сделаю по приезде в Россию?

— Ну и что?

— Посоветую: не есть пищу от Сары приносящей!

— Вы этого не сделаете! — возмущённо прошептала Сара.

— Сделаю, моя хорошая, и даже напишу об этом!

Потом я услышал фразу «шлоша-асар» — тринадцать — число обобранных в этом «ресторане», и увидел наши бумажные шекели в руках у Сары.

Анна Александровна

3 апреля, вторник. До России осталось два дня. Это мой выходной — экскурсий нет. Вот я заранее и спланировал посещение своей учительницы литературы Анны Александровны Левиной. Делов-то и было — сесть на автобус и приехать куда надо. Что номер автобуса 174, мне было известно ещё в Питере из интернета, а вот поиски bus station, откуда отправляется этот автобус — это опера «Царь Салтан». Наш второй русскоговорящий охранник Гена посоветовал сесть на трамвай, который довезёт прямо до автобусного вокзала. Вроде бы просто, но автоматы на 3-х ближайших трамвайных остановках не работали. Так что я шёл по улице Яффе, иногда задавая прохожим вопрос: «Where is bus station?». «There!» — отвечали мне и указывали на изогнутую металлическую стрелу вдаль, устремлённую в небо. До стрелы, я прикинул, было ещё километра два или два с половиной — это если с горки посмотреть. T = +26 °C. А я в тёмном приталенном пиджаке и бабочке. Мне показалось, что даже бабочка вспотела. Где ж этот чёртов автовокзал — слева и справа какие-то стройки! Трамвайные рельсы теперь ограждены сетчатым забором. Пропотел ещё два километра — стрела уже над самой головой. А вокзал? Господи милостивый, помоги православному в Иудее, будь ласков! И знаете что — прямо передо мной, ну чуть слева, указатель «Bus Station. 300 m»! О! А вы ещё говорите, что Бога нет! Наконец, вот он — вокзальчик, вот он — голубчик! И турникеты, и контролёры, всё как в кино! Пробегаю глазами таблички с номерами автобусов — моего нет. Слышу вопрос:

— What do you want? (Чего вы хотите?)

Кажется, это обращаются ко мне. Поворачиваю голову: стройная девушка в униформе внимательно смотрит на меня своими серыми глазами, вернее смотрит на мою бабочку. Снова начинаю собирать в кучку знакомые английские слова.

— Where is bus with number hundred...

— Говорите по-русски! — прерывает меня девушка.

— Ух ты! Первый раз за шесть дней ко мне в Ершалаиме обращаются по-русски! Мне нужно в Маале Адумим.

— Правильно, — мой ангел будто прочитала мои мысли. — Автобус 174. Спуститесь в туннель и перейдёте на ту сторону. Поднимитесь наверх, тут и остановка. Автобусы ходят через двадцать минут.

— Спасибо, милая! Вы меня просто спасли! — и я пошёл к переходу.

— Момент! — моя спасительница остановила меня. — Когда будете оплачивать проезд, скажите: «Маале Адумим, эзрах ватик.»

— А эзрах ватик сказать обязательно?

— Для вас — да! — серьёзно ответила, улыбнувшись одними глазами. — Дэрэх цлеха! (Счастливого пути!)

Транслитерацию я пишу по-русски — в иврите заглавных букв нет.

Так вот. Туннель пройден, остановка и автобус найдены. Сказав волшебные слова «эзрах ватик» и отдав 3,3 шекеля за проезд, я сел в удобное кресло и прикрыл глаза.

Только потом я узнал, что значат магические слова «эзрах ватик». Эзрах значит гражданин, а ватик — и долголетний, и ветеран, и старожил. Наверное, что-то вроде пенсионера. Не знаю, какое словосочетание позволило заплатить половину стоимости билета, поскольку израильского пенсионного у меня не было.

Автобус пропетлял по улицам Ершалаима и выбрался на автостраду. Я так и не понял, на чём стоит город, — то ли на огромных известняковых холмах, то ли на невысоких горах, но то, что значительно выше уровня моря — это точно, поскольку уши, как в самолёте, закладывало несколько раз. Назову их сопками, покрытыми елями, соснами, кипарисами и различного вида кустарниками. Все пальмы, как мне показались, посадили люди, так как в ненаселённых местах я их не заметил. Дорогу серпантинном было сложно назвать, но она поднималась всё выше и выше, пока не достигла той отметки, которую до Шестидневной войны иорданцы считали своей доминирующей высотой. После войны израильские стали считать её своей.

Маале Адумим, что значит Красный Подъём, основан в 1975 году на высоте 450 метров над уровнем моря. Получился тихий красивый городок-спутник с населением 34 тысячи человек. 87 % евреи, но в Израиле его часто называют Русским Адумимом, так как большинство жителей эмигрировало сюда из Советского Союза.

Вот и живёт моя учительница Анна Александровна в этом городке.

Сколько же лет мы не виделись? Посчитал и ужаснулся — 50 лет! Анна Александровна уехала с мужем в Израиль в 1988 году. Муж её, Евгений Соломонович, был профессором в университете Тель-Авива, пока болезнь Паркинсона не приковала его к коляске. Две дочери: одна работает в Иерусалиме, другая здесь, в Маале Адумиме, недалеко от дома.

Автобус проехал по шоссе, похожему на подъёмный мост в замок (по краям были почти отвесные обрывы) и остановился. Водитель посмотрел на меня и, пожав плечами, почему-то грустно сообщил:

— Маале Адумим.

И автобус укатил, оставив меня одного в городке, где полное безмолвие: ни голосов, ни шорохов, ни вздохов. Ни одной живой души! В теле-

фонном разговоре Анна Александровна сказала, что нужно доехать до улитки и потом под арку. Я огляделся — ни улитки, ни арки.

Как вдруг!..

В этой звенящей солнечной тишине негромкое русское:

— Шура, может, посмотрим всю цепь зажигания?

Если бы в настоящий момент появился архангел Гавриил, я бы удивился меньше. А это просто двое пожилых мужчин задумчиво склонились под поднятым капотом старого пыльного «вольсвагена». Господи, у меня даже выступила слеза от Твоего чуда! Я подошёл к ним, поздоровался и спросил:

— Скажите, где здесь улитка?

— Хализон? — седой в бейсболке уставился на мою бабочку. — Вы русский?

— Да-а, русский, — я тяжело вздохнул. — Вы, наверное, как и все в Израиле, судите о русских по бабочке.

— Да не обижайтесь Вы, хотя в этом есть определённая сермяжная правда! — «бейсболка» по-доброму улыбнулась и протянула руку. — Я Шура.

— Олег, — улыбнулся в ответ я.

— Таки я Боря, — усмехнулся второй знакомец — высокий, какой-то высушенный и тоже седой, протягивая руку. — Мы здесь тоже русские, хотя и евреи.

— Таки поведайте мне эту сермяжную правду, поскольку моя бабочка индикатор национальности. На базаре, мне кажется, по ней тоже опознали, что я русский.

Боря с Шурой фыркнули.

— Во-первых; вы обратились к нам по-русски, а во-вторых; плюйте вы на всякий дискомфорт. Не обращайтесь на Шурины слова, — засмеялся Боря. — Он по жизни всегда приколыщиком был. Это в России используют, к месту и не к месту, словечко «таки», чтобы показать свою какую-то принадлежность к евреям. Здесь такой политес без надобности.

— Ну, а иврит-то Вы знаете? — последовал мой вопрос.

— Хреново! — поморщился Боря. — А на кой он нам на восьмом десятке!

— Ша, Бóрис! Продолжу вещание за бабочку и Хализон. Значит, бабочка... фу-у... как бы сказать по-интеллигентнее. Снимите свою бабочку к лешему — чужая она здесь! Хотя, если честно, она Вам идёт! Только носите Вы её как русский.

— О! Это ещё как?

— Как-как! Как флаг! Вы о ней постоянно думаете. Что? Да, думаете: что эта бабочка — плохо или хорошо? Ладно, хватит лепидоптерологии, займёмся брюхоногими. Хализон на иврите значит улитка. Идти к ней нужно по краю обрыва довольно прилично.

— Принято. А Вы знаете такую вот улицу? — и я показал Шуру записную книжку с адресом Анны Александровны.

— Х-ха, и это мы называем ближневосточным гостеприимством! Боречка, как ты, хотя бы приблизительно, думаешь, к кому приехал наш православный гость? Ну, что ты открыл рот и молчишь как рыба об лёд?

— Шура, я и не знал, что твои познания в ботанике достигли такого уровня! Это что-то с чем-то!

— Вообще-то, это скорей зоология, даже ихтиология, но кто это будет сейчас проверять! Хочешь я задам тебе не очень приятный риторический вопрос?

— Задавай, полиглот!

— И ты знаешь, как он нас с тобой назовёт, когда дойдёт до Хализона и с помощью полиции найдёт Анечку Левину?

— Думаю, говном!

— Вот! И я полностью поддерживаю ход твоей мысли! Гость из далёкой России, мы не такое говно, каким кажемся с первого взгляда. А посему, Вам не к чему потеть в своей бабочке до Хализона. Поднимитесь по этой улочке до двора с пальмой и поднимитесь в доме 15 в квартиру 3.

— А Хализон? — поинтересовался.

— А что Хализон? Как сказал бы Серёжа Юрский, тётя вам, что ли, эта Хализон? Идите, куда вас посылают знающие люди и благодарите Бога за то, что он испортил наш автомобиль!

— Тода (спасибо), други! — поблагодарил я моих доброжелателей.

— Ой-ёй, Боренька, поддержи автомобиль! Бог, в которого мы с тобой не верим, сотворил чудо — русский в бабочке заговорил на иврите! Анечке привет от Бори с Шурой передайте.

Я остановился и спросил:

— Извините за нескромный вопрос. Вы жалеете, что уехали из России?

Лица стариков погрузнели.

— Конечно, жалею, хотя нам здесь неплохо. Но скучно, не хватает российского бардака! — вздохнул Шура. — Ладно, идите! Дэрэх шлеха! (Счастливого пути!)

И вот я нажимаю звонок квартиры той, именем которой названа эта глава.

Дверь открывает сама Анна Александровна. Вы не поверите, но она совершенно не изменилась за 50 лет! Конечно, седая, но, как мне показалось, только чуть-чуть постаревшая в свои 85 лет. Наверное, она не умеет стареть.

— Шалом, Анна Александровна! — здороваюсь я.

— Шалом! — ответила она, внимательно вглядываясь в моё лицо.

— По Вашему лицу не понятно, то ли я так похорошел за 50 лет, то ли Вы просто не узнали своего ученика.

— Почему не узнала? Узнала. Олег? — и смущённо добавила. — По фото на Вашей книге.

— Ну, там я на 18 лет моложе!

— Да, да! И с бородой! — облегчённо засмеялась учительница. — Что в дверях стоим, проходите!

— Между прочим, преподавателю с учеником можно и на «ты».

— Непривычно, ты стал таким солидным, книги пишешь, в бабочке! — Анна Александровна вновь засмузилась.

— Что за страна — никому не даёт покоя моя бабочка! Вам, кстати, привет от Бори с Шурой.

— Боже мой, когда же ты успел познакомиться с этими богохульниками! Давай пройдем в мою комнату, там и поговорим, — по пути учительница спросила. — Давно приехал? На Песах останешься?

— Лё, — при этом Анна Александровна улыбнулась. — 5 апреля я должен быть уже в Питере. Странно, почему праздник Воскресения Христова назвали Пасхой? Объясняют, что название Пасха происходит от древнееврейского «Песах» (буквально: «прошёл мимо»). Тогда какая связь между Воскресением и Ангелом смерти, прошедшим мимо?

— Хм, а у тебя, я вижу, определённая религиозная подготовка! Только у нас смысл этого праздника заключается в освобождении от рабства и с Исходом из Египта.

— Вот видите, разные у нас Пасхи.

— Что поделаешь — у каждого своя религия, — вздохнула Анна Александровна.

Мимо проехала инвалидная коляска, и сидящий в ней скрюченный старый мужчина по-птичьи склонил голову вбок, чтобы посмотреть на меня. Коляской управлял юноша, похожий на индийца.

— Это мой муж, сейчас его будут кормить, — тяжело вздохнула учительница. — Он болен.

— Я знаю, Анна Александровна. (Далее для удобства письма я буду называть Анну Александровну сокращённо А. А., но с уважением.) У Евгения Соломоновича болезнь Паркинсона.

— А ты хорошо осведомлён, друг мой! — покачала головой А. А., когда мы вошли в комнату. — Присядь, где хочешь! Так — и откуда всё-таки такая осведомлённость?

— Как бывший врач, стараюсь держать руку на пульсе родных и близких. А честно, всю информацию о Вас я получил от Тани Коробковой, что касалось ленинградского периода, и Дианы Чучулашвили, которая рассказала о Вашей жизни здесь, в Израиле. Она же, Диана, ведь приезжала к Вам?

— Да, да, Дианочка приезжала ко мне. Как же вы все выросли, Боже ж ты мой! — А. А. провела ладонью по подбородку.

— Точнее, постарели! — улыбнулся я. — Наши классы ближе к шестидесяти стали чаще общаться. Я привёз Вам фото только нашего класса, ну, и естественно, себя, красавца в разных позах.

— Спасибо! Хм, а ты стал уверенным и остроумным. Раньше такого не было.

— Представляю, каким я был размазнёй!

— Что ты, что ты! Просто ты был тихим — и всё!

— Это лыжи, А. А.. Усталость от них в то время гасила все эмоции.

— Ну, а как дома? Женат? Дети есть?

— Был. В смысле, был женат на красавице-еврейке, но она в 2003 умерла. Красная волчанка. Она так же, как и болезнь Паркинсона, не лечится. Хорошая была и жена, и человек. Есть сын Антон, можно сказать и состоятельный, и состоявшийся. Последнее, думаю, не до конца. Построил на Карельском перешейке хороший дом, по-вашему, виллу. Внучка, Лизонька, 11 лет. Талантливая, умная, только слишком уж взрослая, не по годам. А так, девочка-красавица! Вся в мою жену. Изучает английский и немецкий языки. Прекрасно рисует — поражает подбор цветовой гаммы! А на детском конкурсе пианистов в Амстердаме стала лауреатом. О как!

— Чудо-девочка!

— Да, этого не отнимешь! Я бы сказал, гениальная! Вся в деда!

— В какого деда? В тебя что ли? — А. А. подняла брови и рассмеялась.

— Конечно! В кого же ещё? — я шутиливо возмутился.

— А твоя Лизонька такая скромная, как и ты? — продолжала смеяться учительница.

— Что Вы! На первом месте по скромности я, лично! Что есть, то есть!

— Сам-то, скромняга, как?

— Я?

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь,
Чтобы хоть чем-то, ради Бога,
Сойдя на пенсию, блеснуть!

- Неплохо! Давно так Пушкина переделал? — улыбнулась А. А.
- Давно? Скажете тоже! Да только что! С пылу с жару! — я возмущённо фыркнул. — И что значит неплохо! Хорошо, даже прекрасно, а если быть объективно точным, то просто изумительно! Фу-у!
- Ладно, ладно! Пусть изумительно, а серьёзно?
- Что значит «пусть»? Изумительно! Сами заложили в меня талантище 50 лет назад, вот теперь и расхлёбывайте!
- Ну, разошёлся, расфырчался! Угомонись!
- А серьёзно? Ой, кем я только не был за эти годы: и энергетиком, и строителем, железнодорожником, а последние лет двадцать врачом.
- И что тебе больше всего нравилось? — А. А. внимательно посмотрела мне в глаза.
- Да ничто не нравилось, кроме как быть врачом и ловить рыбу. Понимаете, мне необходимо чувствовать, что я нужен, иначе скучно — и работать не хочется.
- Выходит, как врач, ты чувствовал свою востребованность?
- Выходит — так. В самом начале врачебной практики я вылечил 10-ти летнюю девочку-астматичку. Занимался с ней месяца три, и девчушка стала нормально дышать. Видели бы вы счастливые глаза её матери! Да ради таких глаз, даже если я больше вообще ничего не сделал, стоило работать!
- Ты лечишь тех, у кого проблемы с дыханием? — А. А. с уважением бросила взгляд на мои руки.
- Нет, — засмеялся я. — Я не пульмонолог. Всё намного проще — опорно-двигательный аппарат, а на руки Вы посмотрели правильно — они-то людям и были нужны.
- Что значит были?
- Это значит, что я на пенсии и больше не практикую, устал. Романы кропаю жалостливые, временами жуткие, временами очень симпатишные. Вот и Вам привёз несколько штук. Девать-то некуда!
- Ой, кокетка! Прочитала я твою «Сагу», которую мне Диана привезла. Довольно прилично для ученика 9 класса.
- Да, кстати о «Саге», когда мы разговаривали по телефону, год или два назад, Вы сказали, что я с иронией отношусь к выражению «земля

обетованная». Так это не так! Это не ирония на «землю обетованную», а злость на тех захребетников, которые приехали из России. Ко всем религиям у меня уважительное отношение. Видите, и Вам в шабат я не звонил, знаю и помню ваши обычаи... и Вашу религиозность.

Я разложил книги с фотографиями на столе.

— Это групповое фото сделано года четыре назад.

— Какими же вы все стали! Таня с Дианой почти не изменились, Зоя Шонохова тоже. А это кто из-за Зои выглядывает?

— А-а, это Валера Ежов.

— А этот с усами? Я чуть не сказала, лысый! — А. А. покраснела.

— Алик Куликов.

— Не может быть! Где же его кудри! — А. А. прикрыла ладошкой рот.

— С годами исчезают и кудри! — вздохнул я. — А Вы всех по фамилиям помните?

— Большинство — я ведь выпускные фотографии класса время от времени просматриваю. Тебя на этих фотографиях нет.

— Я стеснялся! Шучу, из 10 класса я просто бежал... в вечернюю школу.

— Припоминаю, припоминаю. — А. А. посмотрела в окно.

— А. А., не жалеете, что уехали из России?

Анна Александровна вздрогнула.

— Жалею? Пожалуй, нет! Но вспоминаю часто, в основном нашу школу. — А. А. погладила привезённую мной фотографию ладонью. — Чаю хочешь?

— Хочу. Я вообще в Израиле пить хочу.

— Ты это сказал с каким-то смыслом?

— Нет. Со смыслом только чай: чёрный байховый, в пакетике.

За чаем Анна Александровна рассказала историю своей семьи, похожую на истории большинства семей, приехавших в Израиль, о дочерях. О муже и его болезни мы не говорили.

Увидев, что Анна Александровна устала, я стал готовиться к отъезду.

— Я тебя немного провожу, — сказала она.

— А. А., можно попрощаться Евгением Соломоновичем?

— Ну, конечно, конечно!

Я подошёл к креслу-коляске. Больной снова по-птичьи склонил голову и посмотрел на меня живыми, полными интереса, глазами. И не было в этих глазах страдания и безразличия парализованного человека.

— Евгений Соломонович, я ученик Вашей жены, прилетел из Петербурга. Мы как следует не поздоровались — у Вас был обед, поэтому сей-

час восполню этот пробел. Здравствуйте, Евгений Соломонович и, к сожалению, до свиданья. Желаю Вам здоровья и долголетия. Ещё раз до свидания!

Я не ожидал, что этот парализованный, немощный человек может сделать! Медленно, с напряжением, но протянул мне руку, которую я с огромным удовольствием пожал. При этом глаза моего vis-à-vis улыбались!

Когда мы с А. А. вышли во двор, то сделали фото друг друга моим аппаратом. Под экзотической пальмой.

— Ты ещё приедешь? — спросила моя учительница.

— Не знаю. Скорей всего нет, — я почему-то поёжился, хотя было жарко.

— Олег, — второй раз за вечер А. А. назвала меня по имени. — Тебе понравился Израиль?

— Лё, — коротко ответил я.

— Нет? — А. А. удивлённо подняла глаза. — Всем нравится!

— Наверное, я другой.

— Странно! Находясь в стране всего 6 дня, ты даже слово «нет» говоришь, как житель Ершалаима — «лё» вместо «ло»! И тебе не понравился Израиль?! Удивительно!

— Ну, допустим «не всего», а целых 6 дней. И что здесь удивительного! А. А., вам же не понравилось в России. Так ведь?

— Ты сравнил! Давай присядем ненадолго. Годы! — А. А. улыбнулась. — Самое интересное всегда открывается только в конце встречи.

И мы присели на единственную скамейку во дворе под той же экзотической пальмой.

— Олег, ты же прекрасно знаешь, почему евреи покидают Россию. Вот и мы уехали.

— Знаю, но тогда не понимаю, зачем другие остались и почему некоторые возвращаются назад.

— Хм, такие случаи мне не известны. Вот в Штаты и Канаду едут, это точно. А в Россию — не слышала!

— Редко, но такие случаи имеются. Но Вы не ответили на мой вопрос, почему многие, если не большинство, остались в России.

— Не мне их судить! Наверное, они не чувствуют своих корней или им жалко бросать то, чего они там добились.

— Возможно, они считают Родиной ту страну, в которой родились, а не разрекламированную страну отцов. У человека может только Один отец. А корни? Какие могут быть корни, если до 15 мая 1948 года, т.е.,

когда Израиль стал Израилем, многие евреи и не знали, где их историческая родина, вернее не задумывались. Мой друг поэт Борис Родин, между прочим, с семитскими корнями, написал такие строки: Родину не выбирают: на ней живут и умирают! А так, Израиль, скорее всего... страна, хм, как бы Вам сказать, куда евреи, приехав, наконец, почувствовали себя нацией. А не народом, разбросанным по всему свету.

— Красивые слова, — задумчиво произнесла Анна Александровна. — Но тебе-то именно что не понравилось?

— Если Вы имеете в виду природу, климат, заводы и пароходы, то тут всё в порядке. А что не понравилось, так то же самое, что и вам в России. Не понравилось быть белой вороной в бабочке. С аэропорта по сегодняшний день. Целых 6 дней.

Анна Александровна слушала с широко раскрытыми глазами про потерю паспорта в аэропорту, про гостиницу, полную русскоговорящих туристов и паломников, про посещение «русского» издательства «Золотая карета», про базар, про гида Сару.

— Знаете, почему совершенно без акцента произношу слово «лѐ»? Потому что, когда я подходил к человеку и говорил «excuse me», люди смотрели на мою бабочку и сами спрашивали меня: руси? — будто на галстук было написано, что я русский. Тогда я задавал следующий вопрос: Do you speak Russian? — и получал это самоѐ «Лѐ» с разными интонациями, чаще презрительными, а иногда не отвечали вовсе, просто отворачиваясь.

— Мне казалось, что большинство людей после 50-ти лет знают у нас русский язык! — вздохнула Анна Александровна. — И это грустно.

— Мне тоже! Дома мне много говорили: «Не волнуйся, поймут!» Однако... Ну, уважаемый педагог, чувствую, что я Вас окончательно утомил — пора и честь знать! Поеду-ка я.

— Счастливо! Остановка внизу, левее «Улитки», — рассеянно проговорила Анна Александровна.

Я поцеловал свою учительницу в щѐку и пошёл к остановке автобуса. Когда же я обернулся, она задумчиво смотрела мне вслед и тихо махала рукой.

Pub «Putin»

Pub Putin. Сколько в этом звуке для сердца русского слилось! Последний день, вернее вечер, перед отлётом на Родину. Последняя, светлая, полоса моих походов.

Я стоял на ступенях у входа гостиницы и курил. Неожиданно, сначала я думал, что мне показалось, негромко послышались слова и музыка из

фильма «Кубанские казаки». Мелодия звучала из бокового окна одного из стоящих рядом двухэтажных домов, тихо, словно ручей, стекала по стене и неспешно выплывала в воздух вечернего Иерусалима.

Казалось, что кроме меня песня никого не интересовала: чужой язык, чужая музыка, которую написал-таки Исаак Дунаевский. Это про между прочим, господа-товарищи! Гуляющие по улице Яффе смеялись, говорили, думали о чём-то своём и не обращали внимания на прекрасную грустную мелодию. Ан нет! Старый мужчина с седой бородой и в чёрной широкополой шляпе было уже прошёл, но вдруг остановился, поднял голову и посмотрел на окно, откуда звучала музыка. Затем коснулся ладоны дома, дослушал песню до конца, вздохнул и пошёл дальше.

— Господи, это ж надо: «Каким ты был, таким и остался» и в центре Иерусалима! (Булгаковским Ершалаимом город называть надоело.)

— Угу, — посыпался хрипловатый голос у плеча. — Ностальгия.

Я обернулся. Рядом стоял коротко стриженный мужчина моих лет и курил. Он был не один — под руку его держала милая круглолицая женщина. «Наверное, жена», — мелькнуло в голове.

— У него, — кивнул я на «бороду» в шляпе, прослушавшего песню.

— О нём и разговор, — поднял брови незнакомец. — А у вас?

— У меня? Нет. Просто стало немного грустно от этой картинки. Мне-то что — завтра буду уже дома, в Питере.

— Понятно. Простите, нам сказали, что где-то здесь недалеко есть пивная «Путин». Не знаете, где? Вот хотим с женой зайти.

— Конечно, знаю — и могу составить вам компанию. Пивная звучит замечательно, но на Западе такие заведения называют пабами. Хотя держат этот паб бывшие славяне из Киева.

— Отлично. Борис, — мой новый знакомец протянул руку и приятно засмеялся. — Надо знать имя, с кем пьёшь. А это, как вы уже поняли, моя жена Рая. Мы из Москвы.

— Да-а? «Кони» или «мясо»? — намекнул я на прозвища болельщиков ЦСКА со Спартаком и тоже представился.

— А вы «бомж»? — улыбнулся Борис. — Слышал, так зовут зенитовцев. А мы... мы просто из Москвы.

— Тогда вперёд, други, на встречу с пивом «Tuborg», плакатами 30-х годов и киевским гостеприимством!

В пабе хозяева, Костя с Леной, встретили нас, как старых знакомых.

— Тёмный «Tuborg»? — спросил Костя. — Три?

Я кивнул.

— А почём здесь пиво? — шепнул Борис.

— 15 шекелей — вступительные, потом 28.

— Дороговато — почти 120 рублей за 0,7 литра!

— Х-ха, это как гостям, а так — 240! Пиво-то датское, неразбавленное!

— Зато недолитое! Видите на стене написано, что здесь не разбавляют, но и не доливают.

— Вот! Тут всё честно! — подмигнул я Косте за стойкой.

— Честно, но дорого! — вздохнул Борис. — Израиль — страна дорогая! Но не будем о грустном. Рая, посмотри на плакаты вокруг! Сколько себя помню, но такого не видел! Они у вас ещё довоенные?

— И до, и послевоенные, и дореволюционные! — усмехнулся Костя.

— Да-да, вижу! С ятями! — засмеялся Борис. — Надо ж, табачная фабрика Оттомань с двумя запорожцами. Рай, что там, рядом с тобой, блондинка с вилочкой предлагает?

Рая повернула голову и прочла: «Всем попробовать пора бы, как вкусны и нежны крабы».

— Олег, вы гляньте на эту даму с грудями и в шляпке...

— Боря..., — укоризненно посмотрела на мужа Рая.

— А что Боря! Нормальная женщина с нормальными грудями! Не с силиконовыми же! Читайте, что она рекламирует! Папиросы «Десерт»! Женщина и папиросы! — изумился Борис.

— Ну и что! Рая, а вы посмотрите, кто фабрикой-то владеет? Колобова и Боброва! О! Они же женщины!

В этот момент Лена поставила перед нами кружки с пивом. Мы ещё пообсуждали плакаты — они стоили этого.

На одном революционный красноармеец сердито требовал записаться добровольцем, несколько других предупреждали: Не Болтай — вокруг враги! Маленький мальчик просил папу не пить, а оскаленная морда лошади сообщала, что она кусается.

— Знаете, братцы, мне больше всего нравится плакат в соседнем зале. Пойдёмте, покажу! — и я отвёл своих новых знакомых к любимому произведению социалистической графики.

На плакате был изображён улыбающийся чумазый шахтёр с мочалкой в руках. Надпись на бумаге гласила: «Иди в баню, помойся!» Чумазый шахтёр был в каске и почему-то при галстук!

— О! А зачем галстук? — недоумённо спросил Борис.

— Соцреализм! Понимать надо!

Мы вернулись к пиву, рядом с кружками появилась тарелочка с плоскими вялеными рыбками. Я обернулся к Косте. Тот успокоил меня ладонью — дескать, всё в порядке.

— Ну как Израиль? — спросил Борис, когда мы присели. — Предлагаю перейти на «ты» — мы же почти земляки, Москва с Питером по сравнению с Израилем почти рядом. Да и разговор будет веселее. Вы не против?

— Принимается! — кивнул я.

— Замечательно! Ну и как тебе Израиль? — Борис чуть понизил голос. — Понравилось?

— Лё!

— Что значит «лё»?

— Ай-ай! Иврита не знаешь! А ещё еврей!

— А он мне без надобности! — Борис пожал плечами. — Мы к родственникам приехали, нам и русского хватает!

— А мне, к сожалению, не хватает!

И я рассказал, как на духу, про потерю паспорта, охранников в гостинице, про Лёню Капитанского, рынок, про посещение издательства «Золотая карета», Сару, про поездку к старой учительнице в Маале Адумим.

Борис с Раей внимательно слушали меня, изредка кивая головами.

— Да-а, — задумчиво произнёс Борис. — Ты и мы — две большие разницы! Мы-то к родственникам приехали, у нас так вопрос не стоял. Накормили, напоили, что могли, показали и устроили нам тур по достопримечательностям. А так — без языка и знакомых, просто, Боже ж мой! Тяжело!

Неожиданно Борис оживился.

— Из твоего рассказа я понял, что ты — писатель.

— По крайней мере, так считают мои друзья.

— Об Израиле писать будешь? Наверняка будешь!

— А я и не скрываю! Буду!

«Буду» получилось даже каким-то агрессивным.

— Ух ты! Представляю, что ты с таким «буду» напишешь! Ладно! Дам я тебе один интересный сюжетец, который мы здесь Раей услышали. В свою книжку вставишь. Если захочешь, конечно!

Рая заулыбалась.

— О, видишь — заулыбалась! Тогда же мы только рты раскрыли. Так рассказывать?

— Рассказывай! — засмеялся я. — Заинтриговал!

— Так вот! Были мы на экскурсии в Эйлате. И познакомились там с двумя милыми девушками из Калининграда. Они нам эту свою историю и рассказали. Сами они из Калининграда, но была у них тётка в Литве. Летом, ещё маленькими, девчонки к ней часто отдыхать ездили. Но

потом школа, институт — в общем, закрутились! О тётке вспомнили только прошлой осенью. Написали — ни слуху, ни духу! Начали разыскивать. С большими трудностями узнали, что их тётя Дора уехала со своими в Израиль. Через посольство или ещё через что-то узнали адрес, куда те уехали. Написали письмо — молчок! Ну и решили девочки устроить тётке сюрприз — приехать без приглашения. Ехать с пустыми руками не хотели, поэтому купили у приятеля-художника красивое панно из янтаря. Стоило это панно, несмотря на то, что художник — приятель, довольно дорого. Приехали девки экспромтом. Встретили их натянуто. Семья стала такой верующей — слов нет! Все праздники и соблюдения в шабат выполнялись неукоснительно! В пище относительная экономия и аскетизм! Где эти пышные застолья тётки Доры в Литве! Ну, думали, от подарка из янтаря сердце тётки смягчится. Ничего подобного! Жили в какой-то маленькой тёмной комнатке. За стол не приглашали, каждый ел одиночно! На них смотрели как на пустое место! Изголодались девки основательно, поистощились! На их счастье тётка сообщила, что где-то в Израиле живёт их двоюродный брат, и предложила съездить к нему, погостить. Избавиться от непрошенных гостей, наверное, хотела. Даже денег в долг дала, чтобы созвониться. Брат поступил, как нормальный мужик — приехал, забрал, откормил и путёвку в Эйлат устроил. Вот такие вот дела!

— Да-а! Полная симфония! Но в чём суть-то? Интрига в чём?

Боря сделал хитрые глаза.

— Интрига, говоришь. Интрига, думаю, в янтарном панно.

— Хм, панно-то при чём!? — скривился я.

— А ты знаешь, что на этом панно было?

— Ф-фю! И что?

— Ты не поверишь! Мадонна с младенцем!

— О как! С ума сойти! Мадонна же этим ортодоксам — контрольный выстрел в затылок! Ну, Боря, упаковал так упаковал! Оближу и причешу! Рая, хотите ещё пива?

— Нет. Может, пойдём домой, в гостиницу? Вам завтра рано вставать!

— Боря?

— Я как все!

Мы расплатились, как принято за границей: каждый за себя — и вышли из паба.

При подходе к гостинице из уже знакомого окна доносилось: «Изда-лека долго, течёт река Волга. Течёт река Волга — конца и края нет ...»

— А это нравится? — спросил Борис. — Есть же и здесь нормальные люди

— Это нравится. Только нет здесь мест, где можно с удочкой посидеть и за грибками сходить, — вздохнул я.

— Дома находишься! — хлопнул меня по плечу Борис.

В гостинице мы обменялись телефонами, и я подарил москвичам свою книгу.

Лэнит, Израиль, лэнит. (Прощай, Израиль, прощай!)

Утром в 9.30. автобус турфирмы забрал нас из гостиницы и повёз в аэропорт. За четыре часа до вылета — вдруг возникнут проблемы! Удивительно, но за сорок минут езды мне дважды звонили из России. Звонки были недолгими, но роуминг проглотил все деньги, бывшие у меня на счёте. Жаль! Поскольку об этом я узнал, когда прилетел в Питер.

Аэропорт Бен-Гуриона.

Таможенный контроль. Занимательная, знаете ли, штука! В Пулково-2, правда, приходилось раздеваться до трусов, но все вещи после «детектора лжи» мы брали сами. Здесь же европейский сервис — раздеваться не надо, и чёрная кишка местного Молоха, пожевав чемоданы, сумки прочее, выплёвывает вещи прямо на пол. Всё бы ничего, но расстояние до пола больше метра, и падение вещей напоминает звук падающей гильотины. Пассажиры, особенно пожилые, с ужасом ожидают участи своих вещей. Вам ха-ха, а там ведь могла быть водка! После такой душевной пытки мы с Лялей направились покупать сувениры в магазинах Duty Free.

Duty Free — это сеть сувенирных магазинов в аэропортах, не облагаемых налогом. Угу! Магазины, может, и не облагаются, а покупатели... Я посмотрел на цены и так в душе обложил эти магазины, что будьте-нате! Только подумайте: синтетический израильский флажок на палочке — 20 шекелей, детский пластиковый непрыгучий мячик диаметром 4" — 5 долларов (может — из-за национальной символики?), маленькие магнитики на холодильник с изображением святых мест — от 10\$ и выше.

Но что поделаешь, подарки, хоть какие, привести нужно — обычай такой! Вот и купил, насколько валюты хватило, заморских диковин. Не знаю, хорошие или плохие — главное, что из Израйля. И только потом отправился к терминалу «С», через который будет произведена посадка в самолёт до Питера.

У терминала я сел на крайнее в ряду кресло и стал ждать объявления на посадку.

Возле стойки стояли две милые девушки и о чём-то разговаривали с «молодым» человеком средних лет. Хорош каламбурчик, а? Он чем-то мне напоминал Михаила Ширвиндта, который хочет что-то знать на Первом канале. Это «юноша», как мне показалось, знал всё. Он тускло посмотрел на меня и, наверное, моя бабочка подсказала ему, что я имею некоторое отношение к культуре. Болтовня с девушками ему, очевидно, надоела, и он, засунув руки в карманы, направился в мою сторону. Остановившись в метре от моей сумки, «юноша», устало опустив веки, утомлённо спросил:

— Вы смотрели «Белое солнце пустыни»?

— Yes! — ответил я.

— O! Do you speak English? — удивлённо произнёс он.

— No! I speak Russian.

— Сначала я так и понял. Так вы смотрели «Белое солнце пустыни»?

— Конечно.

— А знаете, что Мотыль хотел снимать этот фильм в Израиле? Только здесь солнце бывает по-настоящему белым.

— Что вы говорите! И на роль Абдуллы собирался пригласить Усаму бен Ладена?

— Не надо иронизировать! Просто израильские девушки отказались сниматься в ролях жён Абдуллы!

— Странно. У меня почему-то иная информация. Снимался фильм в Кара Кумах и в Дагестане на берегу Каспийского моря. Деревенские сценки проходили у нас под Лугой, возле деревни Мистолово. А на счёт девушек вас обманули — это дагестанские девушки отказались от этих ролей.

— А какие деревенские сценки вы упомянули?

— Ну как же! Сценки с женой Сухова, которой он писал письма.

— А-а, точно! Вы имеете отношение к кино? Хорошо информированы! — уважительно под жал губы «юноша».

— Имею. Я его смотрю.

— Остроумно! — засмеялся мой собеседник.

— Я думаю, что вы тоже человек информированный и знаете, когда будет объявлена посадка.

Краем глаза я увидел, что подошедшая и сидящая за моей спиной Ляля присушивается к нашему разговору.

— Посадка? Русские опоздали на час и теперь моют свой самолёт, — информатор небрежно усмехнулся. — Час, не меньше, у них на это уйдёт.

— Ух ты! У вас принято, чтобы экипаж мыл свой самолёт? Чем же вы его здесь испачкали?

— Не передёргивайте! Самолёт моет наш персонал. Скажете — испачкали! Наш Аэропорт стерилен! — возмутился «юноша». — Мой кофе принесли!

Он встал и, не извинившись, снова отошёл к стойке.

— Слушай, что ты всех цепляешь? Ты же в гостях!

— Да, я в гостях, мадам, но истина дороже! И с чего ты взяла, что я цепляю, и главное, всех! Просто защищаюсь по мере сил!

Час до посадки мы с Лялей разговаривали, но уже не помню о чём.

Наконец, объявили посадку, мы заняли свои места и ... присидели в креслах ещё час, при этом самолёт несколько раз запустил и глушил свои двигатели. Только не подумайте, что я виню в этом израильский аэропорт, бывают проблемы и у российских самолётов.

И вот мы в воздухе — лечу Домой. К себе Домой, в Питер!

Через какое-то время принесли завтрак или то, чем в любое время суток кормят в самолётах. Поел и задремал, будто я уже дома и еду куда-то в автобусе. Проснулся оттого, что захотелось пить. Окинул салон глазами и увидел, как за центральными рядами кресел стюардесса наливает апельсиновый сок.

— Пойду-ка, — подумалось. — Тресну стаканчик, и ноги заодно разомну.

Я встал и двинулся вслед за двумя дамами средних лет, идущими по проходу. Дойдя до вертикальной переборки, женщины решили свернуть — они, очевидно, тоже попить сока, но...

Ради этого «но» я и вспоминаю данный эпизод.

Проход закрывали вытянутые ноги рыжего мужчины в кипе. На вид ему было лет 30–35, лицо бледно-красное с наглыми голубыми глазами навываке. О том, что он был рыжим, говорила недельная щетина на висках и подбородке, а так он был лыс как бильярдный шар. Увидев женщин, «рыжий» расплылся в улыбке и сделал руками разрешающий жест пройти. Та, что постарше, похлопала лысого по плечу и что-то сказала. При этом оба засмеялись. Дамы прошли, и я хотел проследовать за ними, только тут возникло «но», о котором я говорил ранее. Рыжий снова, как шлагбаум, вытянул с свои ноги и закрыл глаза. Я дотронулся до его руки и тихо попросил:

— Разрешите пройти.

Мужчина открыл глаза, окинул меня взглядом и презрительно прошипел:

— Стесь не ходят!

То ли он плохо знал русский язык, то ли этим, так сказать, «акцентом» хотел мне показать, «что» я такое. Но что я ещё понял — магия Хакотэла

(Стены Плача) на территории России НЕ действует, тем более в воздухе. Я склонился к рыжельсому и так же прошипел:

— Ма ата омэр, тэмбэл! (Что ты сказал, кретин?!)

Рыжий широко открыл глаза и рот.

— Мальчик, пошевели мозгами, я домой лечу, в Россию! Ты ж, наверное, ещё не понял, что здесь уже не Израиль! Борт российского самолёта — территория России! Поэтому убери ноги, мэшуге!

Мой vis-à-vis совершенно обалдел от этой смеси иврита, идиша и русского, и поэтому испуганно убрал ноги.

Я попил соку и, как крокодил, пошёл уже проторённым путём. Увидев моё приближение, «мальчик» робко убрал ноги, провожая меня затравленным взглядом. Точь-в-точь как гоблин с моим паспортом в аэропорту в день прилёта. Молодец всё-таки еврей Ньютон со своим третьим законом! Как ни крути, любое действие имеет противодействие, а по-нашему, по-русски, на всякую силу всегда найдётся другая сила. Весь путь к своему креслу меня не покидала улыбка, это я чувствовал. Это было заметно и по лицу девочки с плюшевым медвежонком, сидящей через проход. Сначала она заворожено смотрела на меня, потом тоже стала улыбаться. Не знаю, понимала ли она русский, но для улыбок не нужны словари.

И как я вспомнил эту фразу из русско-ивритского разговорника, эти тэмбэл и мэшуге. Хм, и обращение «Мальчик, я домой лечу!», как в финале фильма «Брат-2». Один к одному!

Оставалось полчаса лёту!

Прелестно!

Наконец лайнер пружинисто коснулся посадочной полосы, проехал с поворотами сколько надо — и замер.

Здравствуй, Пулково-2, родное, замызганное! До чего же хорошо здесь у нас. Небо-то какое! Не чёрное, как глубокий бездонный колодец, а васильковое. А луна огромная, тёплая! Ну ладно, не тёплая, пусть будет добрая! О! Температура на табло: +2! Можно жить! Это вам не ихние +28. Сейчас получу сумку, позвоню Васюне, другу моему единственному, и домой в свою милую, вечно неубранную квартиру.

Но получить сумку, может, и было делом времени, а вот позвонить было проблемой: роуминг сожрал на телефоне все деньги! Я оказался ещё и должен 288 рублей. Ладно, дождусь багажа.

Если вы считаете гуннов и татаро-монголов варварами, то глубоко ошибаетесь! Варварами следует считать российских и израильских грузчиков в аэропортах. То, что я увидел на багажном транспортёре, напоминало последний день Помпеи и даже хуже! Никогда бы не подумал, что

солидный пластиковый чемодан с ручкой может после перелёта состоять из четырёх частей! Но россияне двух национальностей хватили свои пожитки и бежали из этого багажного склада скорби на улицу. Тут я почувствовал прикосновение женской груди к моей спине. Несмотря на свои годы, я ещё могу отличить прикосновение женской груди от мужской. Пришлось обернуться. Обладательницей груди оказалась импозантная дама с волоокими глазами.

— Ждёте багаж? — спросила она грудным голосом.

— Как и вы, — ответил я.

— Ну и как понравилась вам земля обетованная? Я ещё в самолёте обратила на вас внимание.

— На меня? Странно! У меня к вам встречный, но шкурный вопрос. Простите, у вас есть сотовый телефон? На моём из-за роуминга нет денег, а я должен позвонить.

— Жена встречает? — поинтересовалась дама.

— Нет, друг. Я вдовец.

— Вдовец? Как интересно! — проворковала моя собеседница и протянула свой телефон.

Я взял трубку и позвонил. Вася сразу ответил:

— Петрович, ты где?

— Вась, ты давно приехал? Я получаю багаж. Роуминг сожрал все деньги, потому и не звонил. Хорошо, одна интересная женщина выручила.

— Ну, и бабник же ты! Слава Богу, хоть живой! Я буду ждать на улице.

— Хм, и правда, друг! — игриво заметила дама, когда я вернул телефон. — Так понравилась вам земля обетованная?

— Лё! — уже привычно ответил я

— Что это! — моя благодетельница подняла брови.

— Нонсенс! Второй раз за сутки еврейка не знает, что такое «лё» на иврите! Это значит, нет!

— Понятно. Вы летали к родственникам?

— Побойтесь Бога! Лица с моим лицом родственников в Израиле не имеют!

— Сейчас всё возможно — время такое! А вы кто по профессии?

— Писатель. Каюсь!

— И вдовец, и писатель — крайне интересно! — дама начала обволакивать меня взглядом удава.

— А вы замужем? — поинтересовался я.

— Я? Сейчас нет. Но четыре раза была! — гордо произнесла в настоящее время не зарегистрированная. — У вас есть визитки? Куплю ваши книги и буду читать.

— Визитки? К сожалению, отобрали на таможе в Тель-Авиве. Красавица, знаете, сколько мне лет?

— Для творческих людей возраст не имеет значения! И сколько вам всё-таки лет? Заинтриговали!

— Мне столько лет, что женщины ложатся ко мне в постель, чтобы просто отоспаться!

— А вы остроумный! — засмеялась моя соблазнительница. — В творчестве главное — руки!

— Согласен, но весь ужас не в этом! О, мой багаж!— в этот момент на конвейере появилась моя сумка, которую я ловко подхватил и уже на бегу объяснил оторопевшей даме смысл своих слов. — Ужас в том, что я трансвестит! Прощай, моя внезапная любовь!

И выскочив из здания аэропорта, я чуть не сбил моего Васюню, стоящего у выхода.

— Куда ты несёшься, как угорелый! Вот же машина,

— Васюню, поехали быстрее! Потом объясню!

— Быстрее так быстрее! — пожал плечами друг, садясь в машину. — Только что за пожар? Стажил что-нибудь?

— Фу-у! — выдохнул я после того, как автомобиль тронулся.

— Ну?

— От дамы убёг!

— От дамы? Тоды понятно! Нам лишний рот не нужен!

— Гуд вай, Израиль, гуд вай! Откуда я приехал. Прощай навсегда! А ну-ка, Вася, музыку включи! — облегчённо пропел я на мотив «Гуд бай, Америка!»

— Вот даёт! Тоже мне «Наутилус Помпилиус»!

Послеездие

Потом были встречи, вручение сувениров, всякие там устные рассказы, но первое общение было с виновником моей поездки, т.е. с сыном.

— Ну, папа, тебе понравилось в Израиле? — спросил сын при встрече.

— Климат хороший, много солнца.

— Нет, ну серьёзно!

— Как тебе сказать, сынок. Был где-то в 80-х годах итальянский фильм «Золотая пуля». Это о революции в Мексике. Молодой американец — наёмный убийца — приехал в Мексику, чтобы застрелить вожака

повстанцев золотой пулей. На вокзале, бесцеремонно оттеснив латинос, он покупает без очереди билет на поезд. Рядом стоящий 12-тилетний мальчик в пончо спрашивает его: «Мистер, вам нравится Мексика?» Американец, не поворачивая головы, отвечает: «Пока не знаю». Претерпев множество приключений, американец находит вожака повстанцев, кажется, его звали генерал Паласиос, и убивает его золотой пулей, которая была доказательством, что убийство осуществил именно он.

— Пап, какое это имеет отношение к Израилю?

— Ты не дослушал, сынок. В конце фильма та же ситуация, тот же мальчик, тот же вопрос, только ответ другой.

— Хорошо, — вздохнул сын. — И какой был ответ?

— Нет.

— Что «нет»?

— Не понравилась американцу Мексика — и всё!

— А тебе, выходит, Израиль не понравился. Странно: все говорят, что Израиль — сказка.

— Лё! (в словарной транслитерации это слово почему-то звучит как «ло»).

— А что значит «лё»? — поинтересовался сын.

— Лё значит «нет». Хотя... Израиль, как страна, я имею в виду города, святые места, климат и море, мне понравились. Мне не очень понравилось отношение к русским. Я бы назвал его терпеливо-презрительным.

— Хм, первый раз слышу такое мнение!

— Понимаешь, сынок, восторг Израиль вызывает у тех, кто путешествует по стране группой. У них есть круг общих интересов и возможность общения на одном языке. Есть ещё вариант — поездки к родственникам или по вызову. Здесь и накормят, и расскажут, и что надо покажут. В общем, хочешь — спать ложись, хочешь — песни пой. Для них кругом только плюсы! Это понятно? Другое дело — турист-одиночка, тем более пожилой, без знания иврита и с английским на уровне средней школы 60-тидесятых годов. Это не Рио-де-Жанейро, доложу я тебе, находится 4 дня из восьми в чужом незнакомом, пускай, даже прекрасном городе с библейским названием Ершалаим. Когда на вопрос: «Do you speak Russian?» — вас с улыбкой спрашивают. — «Do you speak English or Spain?». Но чаще говорят «лё» и отворачиваются, делая вид, что торопятся по своим делам. (Прошу прощения, за строки идентичные строкам в главе «Анна Александровна». В разговоре с сыном можно и повториться.)

— Удивительно, у них же даже премьер-министр говорит по-русски!

— К моему сожалению, мы не встретались.

— Да, но ведь там половина населения — евреи, приехавшие из России!

— Возможно, но, конкретно в Иерусалиме, они либо быстро забыли русский, либо чего-то боятся, либо просто не хотят на нём говорить. Конечно же, есть резервации типа пивной «Путин», где можно отвести душу, говоря по-русски и потягивая пиво «Tuborg», но такие места надо искать, ведь без знающего поводыря в Ершалаиме элементарно заблудиться. Странно, это израильское высокомерие я почувствовал и в самолёте, возвращающемся в Россию, и в аэропорту «Пулково». Но хочу заметить: антисемитом от этого я не стал. Теперь представляю, как станет морщиться Ароша Мельник, ты его знаешь, когда будет слушать мою сказку об Израиле от первого лица!

— Значит лё?! — усмехнулся сын.

— Лё, — я почесал висок. — Но... «Лё» частично! «Лё» одинокого русского, пожелавшего познать Израиль изнутри без посредников, русского, поговорившего со Стеной Плача. Да-а... И если когда-нибудь всё-таки судьба забросит меня в эту страну, галстук-бабочку я не надену, это точно.

Да, в Израиле красиво.
Люди тоже неплохие,
Раньше жившие в России,
Но забывшие Россию!